

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

МЕСЯЦ
ЗА РУБІКОНОМ

Измененные

Сергей Лукьяненко

Месяц за Рубиконом

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С.

Месяц за Рубиконом / С. Лукьяненко — «Издательство АСТ»,
2021 — (Измененные)

ISBN 978-5-17-147006-7

Вот уже восемь лет Земля – колония Инсеков, чужой могущественной цивилизации. Но правда, открывшаяся Максиму Воронцову, еще тяжелее – Земля никогда не была свободной. Теперь он вынужден покинуть родную планету и скрываться среди Измененных, бывших людей, ставших солдатами Инсеков. Ему надо понять, для чего Инсеки ведут бесконечные войны с Препными. Узнать, что такое Смыслы, которые они собирают как дань с захваченных планет. И найти возможность избавить Землю от вечного рабства – потому что лишь так он сможет вернуть свою любовь. Но как же жесток этот путь! И что, если лекарство окажется опаснее болезни?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147006-7

© Лукьяненко С., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	38
Глава седьмая	45
Глава восьмая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Лукьяненко

Месяц за Рубиконом

© С. Лукьяненко, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

Глава первая

Снег был серым, но при свете звезды Росс 128 казался грязно-розовым. Я смял его в ладонях, слепив увесистый снежок. Примерился и бросил. Далеко, от казарм второго взвода и до четвертого тренировочного купола.

С глазомером и силой у меня явно стало лучше.

Снежок пулей пролетел метров тридцать и смачно ударил в спину стоявшую у входа стражу.

Ухмыльнувшись, я наклонился и слепил второй снежок.

Стража ощупала спину, обернулась, возмущенно уставилась на меня. Я пошел к куполу, подбрасывая новый заряд в руках. Утоптаный снег поскрипывал под ногами. Сегодня было совсем тепло, градусов пять ниже нуля. На Саельм пришло короткое двухдневное лето.

– Нечестно! – укоризненно сказала стража.

Ну ладно. На самом деле она произнесла «Nicht fair!» – базовым языком общения Измененных был немецкий. На Земле я его не знал, на Саельме Гнездо записало его в мой мозг сразу же после перехода.

Инсеки считали, что для боевой обстановки и работы со сложной техникой немецкий язык подходит лучше английского или китайского. Наверное, в этом был какой-то резон.

Стражу звали Поль, в человеческой жизни она была мальчиком из Франции. После Изменения в стражу трудно понять прежний облик, они все похожи друг на друга: двухметрового роста, с безэмоциональным широким лицом, с бледной шершавой кожей. Но, кажется, Поль не был светлокожим французом, наверное, родители из бывших колоний.

– А ты не зевай, – сказал я. Бросил второй снежок. Конечно же, теперь стража с легкостью увернулась и поймала снежок в воздухе. Я кивнул и воскликнул: – Бум!

– Почему «бум»? – удивилась Поль.

– Это была граната, – пояснил я. – Надо отбивать, а не хватать.

Оставив стражу Поль размышлять над сказанным, я открыл дверь и вошел в купол. На Саельме я провел уже десять дней, но заниматься начал лишь вчера.

Что поделать, прибыл я сюда не в форме. Второй Призыв превратил меня в кого-то вроде универсального защитника и позволил спасти Гнездниковское Гнездо. Я с тех пор так и думал о себе – Защитник, словно выделяя слово заглавной буквой. Но далось это нелегко – первые трое суток (нормальных, земных) на Саельме я валялся пластом под присмотром жниц-медичек. Пил восстанавливающие экстракты самого мерзкого вкуса, в меня внутривенно вводили прозрачные опалесцирующие растворы, заставляли заниматься физкультурой и даже делали массаж. Потом меня неделю изучали, просвечивали рентгеном, ультразвуком и еще какими-то лучами и волнами, брали на анализ все жидкости, которые только имелись в моем теле, и кусочки тканей (самым неприятным оказались пункции спинномозговой жидкости и костного мозга), проводили психологические тесты и давали заполнять огромные анкеты с дурацкими вопросами.

В результате я, как ни странно, восстановился. А медики Измененных, как я и предполагал, ничего не поняли. Таких, как я, здесь не водилось, таких, как я, просто не существовало раньше. Второй Призыв считался теоретически возможным, но, похоже, никто, кроме меня, его не проходил. Так что вчера врач-Измененный (особая и редкая форма, он походил на морщинистого пожилого мужчину с седыми волосами) вынес вердикт: «Незавершенное Изме-

нение с неясной финишной функцией, физически здоров, к обучению годен, рекомендуется наблюдение и регулярные осмотры».

Я с ним не спорил. Я не собирался рассказывать здешним Измененным, кто я такой. Над ними стояли Инсеки, а к ним я симпатии не испытывал...

В куполе было тихо. Очень тихо, непривычно для человеческого жилища. У нас в домах ведь всегда есть звуки, мы просто их не замечаем: шум машин с ближайших улиц, гул ветра, тихое урчание кондиционеров, вентиляции и холодильников; тиканье механических часов, неуловимое, но ощутимое гудение трансформаторов; звук воды в трубах, поскрипывание полов или деревянной мебели... Я уж не говорю о том, что люди не любят тишину и включают музыку или телевизор, чтобы тот бормотал что-нибудь.

Мы живем в звучащем мире. Космонавтов раньше даже специально обучали переносить космическое безмолвие.

А вот здания в тренировочном лагере Измененных абсолютно звуконепроницаемы, к тому же Саельм и без того не слишком громкое место. Внутри куполов никакой привычной техники нет. То, что ее заменяет, работает в тишине. И даже местное Гнездо совсем другое – оно не звучит, его почти не замечаешь.

Сразу за входом был небольшой тамбур. На минус пять по Цельсию, конечно, Измененным наплевать. Я ощущал прохладу, но мог бы ходить по поверхности голым. Вот только зимой тут бывает и минус пятьдесят, и минус шестьдесят – это даже для стражи неприятно.

Я пошаркал ногами по шершавому полу, соскребая с подошв остатки снега. Посмотрел на свое отражение в металлической стене. Купол понял, чего я хочу, и металл посветлел, стал зеркальным.

Ну... ничего так. Вполне прилично выгляжу!

Превратившись в Защитника, я сильно изменился. Вырос на полметра, лицо стало жутковатым, как у стражи. На голове гребень, кожа – как снег...

Но когда боевая форма ушла, я снова сделался самим собой – снаружи. Разве что пара лишних сантиметров осталась, но я не против. Лицо нормальное, мое. Если бы меня увидел кто-то из старых знакомых, то сказал бы: «Максим, ты чего, забухал, что ли?»

Увы, шансов встретить старых знакомых на Саельме у меня нет. Люди здесь не бывают.

После прибытия мне выдали комбинезон, похожий на тот, что носят стражи, только не черный, а ученический, серовато-белый, под цвет местного снега. Я его, конечно, надел – от человеческой одежды остались лишь лоскуты. Но поверх нацепил подаренный когда-то Продавцом плащ. На меня посмотрели странно, но ничего не сказали. Так что я теперь выглядел как комиксовый супергерой – в трико и плаще...

Вздыхнув, я пригладил волосы, в очередной раз ощутив, что они изменились – стали курчавыми, жесткими, как у какого-нибудь африканского парня. Ничего не имею против черных кудрей, но прежние мне нравились больше.

Тамбур был единственным изолированным помещением в куполе. Все остальное пространство, куда я прошел, занимал тренировочный зал. Вчера он был заставлен чем-то вроде низких табуреток или пуфиков, на которых мы сидели во время занятия. Сегодня все изменилось. Пол стал мягким и бугристым, словно раскисшая земля. Стены и потолок превратились в экраны, очень правдоподобно показывающие лесную чащу.

Растения были синевато-зелеными, неземными.

Мой второй взвод уже собрался – все восемь Измененных, если не считать несущую караул стражу Поль. Нужды в карауле, конечно, никакой, но это тоже часть тренировки.

Шесть стражей, одна старшая стража и одна жница-медичка. Они стояли молча, в беспорядке, хотя две стражи, Ли и Хо, как обычно, держались рядом. Я помахал рукой и встал за Олой, старшей стражей, которая считалась лидером взвода. Старшая шумно вздохнула. Я пришел вовремя, но Измененные предпочитали собираться раньше назначенного времени. К тому

же я присоединился к взводу позже и всем остальным казался странным. Если вам доводилось переводиться в новую школу через пару недель после начала учебного года, то вы понимаете, о чем я.

– Чему станем учиться? – спросил я.

Ола молча покачала головой. Глупые вопросы ради вопросов они не любили.

«Эй, Гнездо...» – позвал я мысленно.

«Слушаю, Макс», – настороженно отозвалось Гнездо.

Видите ли, я редчайший случай. Я стал Измененным не потому, что выпил мутаген, на меня повлияла «тонкая волновая структура», что бы это ни значило. При первом Призыве изменения были внешне малозаметны. А вот второй Призыв поменял меня сильнее.

Из последствий – кроме того, что я, похоже, самая опасная в бою разновидность Измененных, – у меня появилась возможность общения с Гнездами. Не только со своим, а с любым. И не просто общения. Все Измененные могут получать от Гнезда информацию или пользоваться им как мессенджером, пересылая сообщения друг другу, но я еще могу просить Гнездо что-то сделать или не сделать.

Ладно, к черту вежливость! Не просить – приказывать. Не знаю, насколько велика эта способность, не рискнул проверять. Местное Гнездо, в отличие от Измененных, мою особенность чувствовало. Но о ней никому не сообщало.

Я очень настойчиво попросил.

«Не дуйся, – сказал я. – Что сегодня на уроке? Я домашку не записал!»

«Что?»

Чувство юмора у нейронной сети отсутствует напрочь.

«Не обращай внимания. Чему нас будешь учить?»

«Рукопашный бой», – ответило Гнездо.

Как мне показалось, с легким злорадством.

«Когда начало?»

«По расписанию, через семнадцать секунд. Тебе требуются какие-то особые условия, ограничения, дополнительное время на подготовку? Десять секунд».

Я насторожился.

«Нет. Какие правила?»

«Правил нет. Четыре. Три. Два. Один».

Старшая стража, не разворачиваясь, ударила меня в грудь.

Ну да, у них другая мускулатура и другая подвижность суставов.

Я отлетел метра на три, потерял равновесие и рухнул ничком на пол. Мгновенно развернулся и вскочил.

Вовремя. Они шли ко мне.

Все восемь Измененных моего взвода.

Все на одного!

Даже обычная стража выше меня, не говоря уж о старшей. Даже медичка чуть шире в плечах (мне кажется, она раньше была парнем). Я уж не говорю о том, что все они несколько лет тренировались в Гнездах на Земле.

– Нечестно! – выкрикнул я, отступая к стене.

Все-таки еще несколько лет назад все они были большими человеческими детьми. Дети от природы довольно злые, но зато хорошо чувствуют несправедливость.

Старшая стража подняла руку, и все остановились.

– Ты не похож на остальных, – сказала она. – Твоя функция непонятна, твои боевые возможности неясны.

– И это повод бить меня ввосьмером? – возмутился я.

– В реальном бою враг сосредоточится на тебе, – сказала Ола. Как мне показалось, с легким удивлением. – Враг будет считать тебя либо самым опасным элементом взвода, либо самым слабым. В любом случае твоё уничтожение станет для врага приоритетной задачей. Мы должны выяснить пределы твоих возможностей к самозащите, иначе ты обрестишь взвод.

Она опустила руку – и все вновь двинулись ко мне.

Я не то чтобы рассердился. В её словах был резон, убивать меня они не собирались, а любые раны я вылечу либо сам, либо с помощью медиков.

Но мне все равно не нравилось, когда все против одного. А ещё больше не нравилось, что Гнездо с любопытством наблюдало за мной.

То сердце, что было у меня теперь с правой стороны груди, застучало чаще. Я встряхнул ладонями, сам не понимая, зачем, просто показалось, что так нужно. Ощутил короткую вспышку боли в пальцах, будто на миг окунул их в кипяток. А на ступнях утолщённая ткань комбинезона разошлась, стягиваясь к лодыжкам.

Это что-то новенькое.

Я сделал ещё пару шагов назад. Почувствовал, что голые подошвы липнут к полу. И понял, что именно предлагает мне организм Защитника.

Развернувшись к стене купола, я прыгнул на неё – и полез к потолку, цепляясь ладонями и ступнями. Ощущение донельзя странное, словно кожа приклеивалась к поверхности, хоть и была совершенно сухой. Безумия происходящему добавляло и то, что стена и потолок продолжали работать в режиме экрана, очень убедительно показывая инопланетные джунгли: синеватую растительность, обросшие густым мхом стволы, толстые лианы. Среди деревьев даже мелькали какие-то мелкие движущиеся тени, не то птицы, не то прыгающие по ветвям ящерицы.

В общем – самое место для обезьяны.

Через несколько мгновений я висел на потолке, а метрах в пяти подо мной топтались Измененные.

– Способности к бегству хорошие, – одобрила жница-медичка.

– Эй, я не хочу вас повредить! – Я помахал одной рукой.

– Ли, Хо, Вай! – приказала старшая стража. – Снимите его оттуда!

Ли и Хо переглянулись, встали подо мной, сцепив руки в замок, и присели. Вай – самая, пожалуй, мелкая из стражей – разбежалась, прыгнула им на руки, и те одним движением швырнули её вверх, в меня.

В полете Вай наткнулась на мой кулак, я ощутил, как хрустнул нос Измененной.

Ну ничего, стражи все равно красотой не отличаются.

Однако Вай удар перенесла стоически. Зацепилась и повисла на мне, выкручивая руку, которой получила по носу.

Что бы ни держало меня на потолке, волоски, как у геккона, или какой-то биологический клей, лишняя сотня килограммов веса потянула меня вниз.

Так что я отцепился, оттолкнувшись ногами, локтем свободной руки ударил Вай в висок и рухнул, выбрав в качестве амортизатора медиčku.

Жница вскрикнула, когда я и слегка оглушенная Вай упали ей на голову. Я перекатился в сторону, как раз вовремя – Ли и Хо прыгнули, но в результате ещё больше травмировали несчастную жницу.

– Слушайте, да хватит! – выкрикнул я.

С организмом что-то происходило. Я чувствовал, как один за другим возникают в моем теле органы, которых не то что у людей – даже у Измененных не было. Ощущение – словно тело пронзают иглами, а в месте укола все на миг немеет.

На меня набросились ещё две стражи. Секунд пять мы обменивались ударами. Им было проще, руки у стражи длиннее, чем у людей.

Одной страже я пробил мышечный пласт на животе и травмировал брюшное нервное сплетение. Стража упала и забилась в судорогах, пронзительно взвизгивая, будто щенок, которому наступили на лапку. Вторая стража пошла в клинч, я увернулся, зажал короткую толстую шею локтем и сломал позвоночник.

В случае со стражей это только звучит страшно. К вечеру она восстановится.

На меня бросились сразу все остальные – старшая стража, травмированная Вай с окровавленным лицом, Ли и Хо и молчаливая стража, которую я знал лишь по прозвищу – Болтушка.

Я взмахнул рукой, и выскользнувшие когти рассекли Болтушке грудь. Комбинезон задержался, пытаясь стянуть разрез и закрыть рану. Сквозь рассеченные ребра я видел биение сердца.

Болтушка немедленно подняла руки и отступила, выходя из боя. Из сходящейся раны обильно текла темная кровь.

– Ола, хватит! – крикнул я. – Это слишком далеко зашло!

Ола заколебалась, жестом остановив Ли, Хо и Вай.

– Убедилась, что я могу за себя постоять?

– Каков твой профиль? – спросила Ола.

– Говорю же – не знаю!

Ола жестом велела страже отойти. Сказала, будто обвиняя:

– Ты морфируешь. Но необычно.

– И что с того?

– Я должна проверить, – сказала Ола.

Встряхнулась. И будто раздалась в стороны – плечи стали шире, руки удлинились, из пальцев выдвинулись когти.

Старшая стража переходила в боевую форму.

– С ума сошла? – воскликнул я. – Ты же не контролируешь нейротоксин!

Ола молча пошла на меня.

Ну да, допустим, в боевой форме Защитника я могу нейротоксин пить стаканами. А вот как насчет нынешней, промежуточной?

К тому же у обычных Измененных иммунитета к токсину нет. Даже у самих стражей. Если к яду есть противоядие – он ненадежное оружие.

– Ола... – с тревогой сказала Вай. – Не надо...

Старшая стража приближалась.

Я успел нанести ей два удара, прежде чем она дотянулась до меня. Первый удар раздробил бы человеку колено, второй разорвал бы селезенку.

Ола смяла меня и повалила на пол. Прижала всем телом. Я отчаянно боролся, удерживая над собой ее руки. Ола медленно преодолевала сопротивление, когти приближались к моей шее.

Она реально хочет меня отравить?

Если яд попадет в сонную артерию – я успею его нейтрализовать?

По телу будто прошла судорога. Я не успел бы вырастить новые мышцы на руках, чтобы стать сильнее старшей стражи, но мой организм ухитрился сделать что-то с имеющимися.

Я стряхнул с себя Олу, выскользнул из-под нее и сильно пнул по заднице. Замер в ожидании.

Старшая стража медленно перевернулась на спину. Посмотрела на свой живот. Вытащила вонзившиеся в тело когти. Перевела взгляд на меня.

В глазах у нее был ужас.

– Ты не виноват... – прошептала Ола.

Значит, она рефлекторно ввела токсин.

Значит, она убила себя.

– Дура! – выкрикнул я. Упал на колени, руками разорвал комбинезон на животе старшей стражи. Грубая нечеловеческая кожа была пробита в двух местах, одна ранка выглядела простой глубокой царапиной, а вот от второй, будто в кино, разбегалась темно-синяя сеточка капилляров.

Я опустил голову и укусил ее в рану.

Токсин я ощутил, как едкую щелочь, растворенную в крови. Несколько секунд я ждал, пока мое тело анализировало яд и создавало антитоксин. Голова слегка закружилась. Потом я вновь укусил Олу и впрыснул в рану перемешанную с противоядием слюну.

Старшая стража лежала неподвижно, растерянно глядя на меня.

К нам подползла медичка (похоже, при падении мы ей что-то сломали), я отстранил ее рукой. Жница сейчас ничем помочь не могла.

Ола пошевелилась и села. Ее кости с хрустом возвращались на обычное место, руки становились короче, когти втягивались.

– Нормуль? – спросил я.

Ола кашлянула. Ее пробил обильный пот, она с трудом сидела. Измененные собрались вокруг, драться уже никто и не думал. Только стража, которой я сломал шею, лежала на полу и осторожно ощупывала голову.

– Я жива, – сказала Ола.

Мне показалось, что она бы сейчас заплакала, если бы умела.

– Прошел проверку? – спросил я. – Не буду слабым местом в команде?

Ола кивнула. Потом нехотя признала:

– Прошел. Не будешь.

Я сел рядом, посмотрел на нее. Сплюнул – во рту еще стоял вкус крови и яда.

– Ну зачем это, а? Ола, ты хорошая стража...

– Старшая стража.

– Хорошая старшая стража. Зачем это безумие?

– Таково Изменение, – Ола пожала плечами. – Мы должны доверять друг другу и не сомневаться в наших силах.

Вздыхнув, я похлопал стражу по плечу.

Ну вот как на них сердиться?

Дети с ускоренным развитием, выглядящие, как монстры.

И с полным комплектом детской наивности и упрямства.

– Хорошо, я доверяю. Мы будем еще тренироваться?

– Будем, – твердо сказала Ола. – Новая вводная. В ходе боестолкновения во взводе трое раненых. Марш-бросок на пять километров, переноска раненых и оказание им первой помощи.

Она подумала и добавила:

– Мы несем их в лазарет, но двинемся вокруг лагеря и скрытно. Макс несет...

Ола замолчала, вслушиваясь.

Но я тоже услышал Гнездо и с радостью понял, что избавлен от марш-броска.

– Отставить, Макса вызывают в канцелярию, – сказала Ола, вставая. Поглядела на стражу со сломанной шеей. – Я понесу Ги, ей нужен максимальный покой.

Рана у нее на животе еще кровоточила, а зловещие синие капилляры были по-прежнему видны. Но стражи – они прочные.

И упертые.

Глава вторая

Канцелярия в тренировочном лагере – самое важное место. За исключением столовой, конечно.

Поэтому вначале я отправился в столовую. Тело после схватки и череды изменений отчаянно нуждалось в пище. А еще мне хотелось избавиться от гадкого вкуса во рту.

Столовая – такой же купол, как и все остальные. С таким же тамбуром, но внутреннее помещение поделено на зону раздачи, где жницы готовят еду (хотя можно ли назвать приготовлением разогрев готовых пайков?), и зал на два-три десятка едоков. Иногда столовая набита Измененными, некоторые даже обедают стоя. А иногда пуста, четкого времени для приема пищи нет.

Сейчас тут было три стражи, евших молча и даже синхронно, словно они подносили ложки ко рту по команде. И шесть жниц из обслуживающего персонала. Вот на них было приятно посмотреть, если не вглядываться, – так сидят обычные молодые девчонки, о чем-то болтают, даже хихикают. На меня, кстати, жницы поглядывали с интересом, хотя все они прошли свое Изменение до конца и, значит, парнями больше не интересуются. Ни парнями, ни девушками, никем... только своим долгом перед Инсеками.

Я взял на раздаче большой стакан энерготоника – цитрусового лимонада с обильной дозой глюкозы, кофеина и таурина. Человек от такого сутки бы не уснул. Но я всосал пол-литра тоника одним глотком, попросил жницу налить еще и выбрал самый питательный из рационов: с грибным супом-пюре на первое и здоровенным стейком с гарниром из картошки и зеленого горошка на второе. Удивительно, откуда они здесь берут пищу? Что-то вроде технологии Продавцов? Но она ведь не позволяет дублировать картошку по какой-то загадочной причине...

– Устали? – спросила жница на раздаче.

– Да, тяжелый денек, – кивнул я.

Странно было с ней разговаривать. Она так напоминала жниц на Земле, даже Дарину... Но при этом ощущалась в ней какая-то большая чужеродность. Словно она терялась, пытаясь со мной общаться. Вроде как даже старалась немного пококетничать, но не совсем понимала, зачем.

– Отдыхайте, – сказала жница. – Если хотите, я вам принесу торт. У нас вкусный торт, медовый с малиной, его уже весь съели. Но я схожу на склад за новым.

– Спасибо, – сказал я. Мне показалось, что ей действительно хочется сделать для меня что-то приятное. – Я люблю торты.

И я действительно дождался торжественно принесенного мне персонально торта, съев и первое, и второе. И торта съел два куса, он оказался по-настоящему вкусным, а малина будто бы совсем свежая.

Жаль только, что ощущение у меня было такое, будто я не ем, а забрасываю топливо в какой-то ненасытный биореактор, который у меня теперь вместо желудка.

Девчонка-жница улыбалась мне все более и более уверенно, и я решил, что от греха подальше надо уходить. В местном зоопарке я был особью, наиболее похожей на предмет девичьих грез. Зачем оставлять после себя несчастных влюбленных девчонок, которым встреча с кем-то подобным больше не светит?

* * *

Мне не очень хотелось идти в канцелярию, я недолюбливал бюрократов. Но медлить дальше было бы невежливо и странно: Измененные никогда не игнорируют приказов, а я уже ощущал недоумение местного Гнезда.

Да и альтернатива – марш-бросок по снежной целине, с раненой стражей на руках, меня ничуть не привлекала. Часового возле тренировочного купола уже не было, значит, Поль бежит вместе со всем взводом вокруг лагеря, тренирует навык переноски раненых. Я дошел до купола канцелярии – тут тоже стояла стража, оттачивая умение нести караул. Эту стражу я не знал, но мы дружелюбно кивнули друг другу. Все мы Измененные, пусть даже некоторые выглядят почти как люди, а некоторые – как ожившие персонажи фильмов ужасов.

Отряхнув ноги и открыв дверь из тамбура (с виду обычная, только петель нет, болтается будто кусок согнутого картона), я вышел в изгибающийся по дуге коридор. Здесь тоже было абсолютно тихо и безлюдно. Гнездо направляло меня, но я и так помнил, куда идти. Четвертая дверь слева по коридору.

– Можно? – спросил я, заглядывая в комнату.

Разумеется, бюрократ посмотрел на меня с удивлением. Если бы было нельзя, так я бы и не пришел, верно?

– Можно, – подтвердил бюрократ. – Макс. Садись.

Комната была маленькая, примерно три на три метра, да еще и не совсем правильной формы. Стол, два крепких стула, один из которых занимал Измененный. Окон не имелось, тускло и с разным оттенком светились хаотически разбросанные участки стен и потолка. Как ни странно, это давало вполне приличное ровное освещение, но в сочетании с искривленными стенами и, кажется, чуть наклоненным потолком – раздражало. Камера пыток для педантичного человека.

Я сел и улыбнулся бюрократу.

Вообще-то официально его Изменение называлось «учетчик». Но мне это название не нравилось. Словно речь идет о каком-то учете мешков с цементом или ящиков с консервами.

Тем более что по виду он был типичный бюрократ!

Обычно Измененные, ну, те, конечно, что дальше от человека, чем куколки и жницы, сильно меняются. Стражи здоровые и с монстрическим лицом. Хранители вроде и похожи на девушек, но жутковаты, особенно белые глаза, в которых не видно зрачков, пугают. Монахи тоже с человеческим лицом, но они толстые, особенно в заднице, словно ходячие груши на тонких ножках. Разве что доктора – милые старички, похожие на Айболита.

А учетчик-бюрократ походил на мужчину (что тоже у Измененных редкость) средних лет. Пропорции тела человеческие, только пальцы тонкие и длинные, будто у пианиста. Волосы обычные. Глаза большие, как в японских мультиках, оттого кажется, что бюрократ в очках.

И еще они зануды.

– Макс, – сказал бюрократ с явным недоумением. – Я так и не нашел твой профиль.

Я пожал плечами.

– Гнездниковское Гнездо, город Москва, Земля, не предоставило сопроводительного пакета, – продолжал бюрократ. – На повторный запрос не реагирует. Это необычно. Другие Гнезда тоже не дали ответа.

На столе перед ним лежало что-то вроде расплывшейся лепешки из мутно-белого геля. Я уже знал, что это местный аналог компьютера. Бюрократ легонько коснулся «лепешки» пальцами, подождал и покачал головой. Проверял еще раз, нет ли ответа...

Вздыхнув, я развел руками. Конечно же, мое Гнездо не предоставило сопроводительного пакета. Я ведь сам его об этом попросил. А местное Гнездо не запрашивало информацию. По той же причине.

– У нас были большие неприятности, Валь, – сказал я бюрократу чистую правду. – В Гнезде появился стратег. Возникло противостояние с Прежними. Все мы едва не погибли. Потом было восстание Слуг, попытка убить Инсека, конфликт с Раменским Гнездом. Мое Изменение шло странно.

Бюрократ пристально смотрел на меня своими муляшными глазами.

– Чуть не помер, – сказал я. – Я же получил мутаген в семнадцать с половиной.

– Очень опасно, – посочувствовал бюрократ. – Изменение во время полового созревания крайне, крайне нестабильно! Я не понимаю, как ты вообще выжил.

– У меня была сильная задержка полового развития, – вздохнул я. – Крохотулечная писька! И яйца хрен нащупаешь! Наверное, это и спасло.

Бюрократ внезапно и резко покраснел. Вообще-то секс и все с ним связанное для большинства Измененных недоступно, и они к этим вопросам относятся безразлично. Но здешний бюрократ как-то уж сильно смутился...

Черт!

А с чего я взял, что Валь – это Валентин, а не Валентина? Может, я тут пошлю перед маленькой девочкой, выглядящей, как мужик средних лет? Ну я и чудила!

– Я тоже был большим парнем, изменился в тринадцать, – неожиданно сказал Валь. – Очень жалел, что... что секса не будет.

Он замолчал, а у меня немного отлегло от сердца.

– Да, наверное, это тебе помогло, – продолжил Валь задумчиво. – Но кем ты должен был стать? Неужели мать не определила?

– Мать Гнезда погибла, – напомнил я.

Валь кивнул.

– Ты близок к человеческой внешности, – рассудил он вслух. – Я подумал, что ты можешь быть учетчиком или контролером. Но ряд ключевых факторов профиля отсутствует. Ты точно не техник, стража, дозорная или строитель. Куда же мне тебя направить?

– Могу здесь пока побыть, – сказал я без энтузиазма. На Саельме мне не нравилось, тут было холодно и уныло. А еще меня не отпускала мысль о том, как близко отсюда Земля, всего лишь переход. Земля – и Дарина...

– Можешь... – согласился бюрократ так же неохотно, как и я. Видимо, это нарушало правильный порядок действий. – Монахи тоже не получили внятных результатов по анализу ДНК. Судя по отчетам с тренировок, ты все-таки боец, но вот какой именно? Комендант велел определить твой профиль, но если я скажу, что это невозможно...

Он снова потрогал «лепешку» на столе, вздохнул. Спросил:

– Скажи, а что у тебя с формой?

А что у меня с формой? Я оглядел себя, поправил рукава комбинезона.

Во взгляде бюрократа мелькнуло что-то вроде сочувствия.

– С биологической формой. Какие есть возможности для изменения? Гнездо сообщило, что во время учебного поединка ты несколько раз модифицировал свое тело.

– Вроде бы да, – сказал я осторожно. – Трансформируюсь, вот хоть Олу спросите... Но сам не пойму, как и в кого.

– Ну-ка, ну-ка... – Валь оживился. Коснулся своего странного «ноутбука», и чуть в стороне от стола появилось изображение. Объемное и, видимо, в натуральный размер, я даже вздрогнул.

На первый взгляд существо казалось человеком. На второй – мнение хотелось изменить на «гуманоид», да и то с осторожностью. Да, гуманоид, явно мужского пола (разумеется, изображен он был голым), с нежно-розовой кожей, белесыми волосами, более-менее обычными пропорциями тела, среднего роста. Даже глаза выглядели человеческими – с голубой радужкой.

Но на груди гуманоида (кстати, с вполне нормальным мужским оволосением, только бледным) было четыре соска! Рудиментарных, как мужчинам и положено, но четыре!

И пальцев на руках и ногах тоже было по четыре. Я бы сказал, что отсутствовали мизинцы.

– Узнаешь? – спросил Валь осторожно.

– Нет.

– Это тэни, – вздохнул бюрократ. – Тебя совсем не готовили, вижу? Три года, как забрали их миры у Прежних.

– Ага, – сказал я. – Тэни. Да-да, что-то вспоминаю.

Я протянул руку и ткнул изображение в живот. Живот у тэни оказался твердый и теплый. Хорошие у них голограммы.

Лучше бы, конечно, женскую особь продемонстрировали, эстетически было бы приятнее.

– Можешь им стать? – спросил Валь с любопытством.

Я растерялся.

– Попробуй.

Неловко поднявшись, я осмотрел неподвижного тэни. Он был чуть ниже меня, если бы не количество пальцев и сосков – выглядел бы обычным, разве что очень блондинистым парнем.

Как я могу «им стать»?

Я осторожно потянулся к местному Гнезду. Ощутил настороженный ответ.

«Могу я стать таким?»

Гнездо не знало. Гнездо вообще не понимало до конца, кто я и что я.

Закрыв глаза, я представил себя в образе тэни.

Итак... у меня четыре пальца на руках... и еще по два соска слева и справа... фиг с ними, для мужика это вещь декоративная... волосы у меня белые, кожа розовая... да чушь какая-то, я же не такой...

А когда я был ростом выше стражи и с мордой, как у Чужого из старого кино, – какой я был?

Я услышал громкий хлопок и открыл глаза.

Бюрократ Валь смотрел на меня с полным восторгом. Судя по всему, он расчувствовался так, что стукнул ладонями по столу.

– Дорогой ты мой! – воскликнул он. – Макс! Ну поздравляю, мы нашли твой профиль!

– Да? – Я посмотрел на ладонь.

Кожа была нежно-розовая, мизинец исчез. Только под кожей что-то едва заметно шевелилось, словно кости ожили и втягивались внутрь. Сам я ощущал только легкий зуд.

– Глаза голубые? – спросил я.

– Да это не важно, глаза у них разные бывают... Голубые, голубые! Макс, ты разведчик!

– Круто, – сказал я неуверенно.

– Очень редкий профиль. – Бюрократ даже вскочил, обошел стол, небрежным жестом смахнув изображение тэни. Голый розовый парень исчез. – Я даже не встречал раньше!

– Как стратег?

– Ха-ха! – Валь покачал головой. – Нет, ну не настолько. Не стратег, не тактик, не логистик. Ну не всем же командовать? Но ты редкость, Макс! Ты морфируешь в любые формы. Ты способен внедриться в чужую культуру! Это очень, очень круто!

Я смотрел на свою ладонь. Из нее медленно и совершенно безболезненно вырастал мизинец. Кожа утрачивала розовый цвет.

И грудь зачесалась.

Наверное, исчезали добавочные соски.

Валь похлопал меня по плечу. Он был счастлив, как только может быть счастлив человек, обожающий свою работу и внезапно решивший тяжелую проблему.

– У нас заявки на разведчика висят с двенадцати культур, – сказал он. – Хоть одну удовлетворить – рейтинг пунктов на семь-восемь скакнет! А если ты еще справишься с заданием – удвоится!

– Постараюсь, – сказал я осторожно.

– Иди, тренируйся, – бюрократ посерьезнел. – У тебя зияющие пробелы во всей подготовке, Макс. Через четверть часа тебя ждут на огневом полигоне.

– А мне надо? – уточнил я. – Раз я разведчик?

– Все надо, все. – Валь вернулся за стол. Положил руку на мутный гель. Ему явно не терпелось заполнить на меня ведомости, классифицировать и успокоиться. – Удачи, Макс!

– Не было ничего нового из моего Гнезда? – спросил я на всякий случай.

– Нет, никого не поступало.

– А в другие лагеря?

– Ваших чаще к нам, если нет перегруза, – сказал Валь. Но все же помолчал секунду, общаясь с системой. – Нет. После тебя из Гнездниковского Гнезда никого и ничего не поступало.

Я кивнул.

– Да судя по твоему рассказу – долго еще не поступят, – добавил он. – Гнезду восстанавливаться надо!

– И то верно, – сказал я и вышел.

Гнезду надо восстанавливаться.

Я никогда не вернусь на Землю и никогда не увижу Дарину. Когда я рядом с ней, то произвожу слишком много смыслов. А смыслы – это как раз то, из-за чего идет война в космосе. Нас не оставят в покое, нам не позволят быть рядом.

Потому что Земля – родина Прежних. И те смыслы, что возникают на Земле, и поныне достаются им.

Поэтому Дарина станет хранителем Гнезда и навсегда обо мне забудет. А я...

В тамбуре я снова посмотрел в «зеркало». Мои волосы как раз заканчивали темнеть, утрачивая белесый цвет инопланетян тэни.

Разведчик.

Ну надо же!

Наружная дверь открылась, я вышел, кивнул страже.

И огляделся.

Единственная землеподобная планета звезды Росс 128 уныла до зевоты.

Она ровная, как бильярдный шар. Может быть, тут есть моря и океаны, но они покрыты коркой льда.

Сверху все присыпано снегом.

И в этой бескрайней снежной пустыне (Саельм больше Земли, хотя сила тяжести тут примерно земная) разбросаны тренировочные лагеря Измененных. По-моему, их около тысячи, в каждом тренируется около пятисот человек... да, простите, уже не человек, а мутантов.

За полгода из стражи и других, более редких профилей получают отлично подготовленные солдаты, воюющие за Инсеков.

С кем?

С другими разумными видами, то есть с инопланетянами. И с точно такими же Измененными, но воюющими на стороне Прежних.

То есть на стороне людей.

Вот такая сложилась интересная ситуация.

И все ради сингулярности. Ради того, чтобы цивилизация смогла возвыситься, перейти в следующую форму существования, стать Высшими.

Для этого нужны смыслы – хотя я так до конца еще и не понял, что это такое. Смыслы порождает только живой разум.

Ради этого и воюют в космосе. Все остальное – пространство, вещество, энергия – имеется в избытке.

Я, кстати, подозреваю, что нынешний вид Саельму придан искусственно. Ну откуда на безжизненной ледяной планете взялся бы кислород в таком количестве, что можно свободно дышать?

Да и звезда Росс 128 – не теплое земное солнышко. Она крошечная, в пять раз меньше и в семь раз легче Солнца! Тусклая, скорее темно-оранжевого, чем красного цвета, древняя и умирающая звезда. Будь Саельм на том же расстоянии от нее, как Земля от Солнца, – тут весь воздух бы замерз.

Но Саельм кружит по орбите у самой звезды, в двадцать раз ближе к ней. На таком расстоянии планету бомбардирует жесткое излучение, да еще и магнитное поле у нее куда слабее земного (человеку пришлось бы несладко, Измененные крепче).

Хотя насладиться видом звезды – единственным, что здесь по-настоящему красиво, – человек бы успел.

С такой орбиты Росс 128 выглядит гигантской! В четыре раза больше, чем Солнце. Огромный тускло-оранжевый блин, ощутимо быстро ползущий по небу. Когда он опускается к горизонту, кажется, что планета вот-вот в него скатится...

Год, кстати, здесь длится меньше десяти дней.

Ума не приложу, почему вначале Прежние, а потом Инсеки выбрали этот мир для тренировок Измененных. Может быть, для того, чтобы новоприбывшие сразу осознали свою ничтожность и свое место в мироздании?

– Красиво, – сказала стража, глядя на меня.

– Ничего так, – согласился я, не отрывая взгляда от умирающей звезды. Ей еще долго умирать, несколько миллионов лет. – Ты тут давно?

– Семь месяцев, – ответила стража. Конечно же, имелись в виду «стандартные», земные месяцы. – Скоро отправляюсь.

– Куда?

– Не знаю, – беззаботно ответила стража. – Куда пошлют. Стража – универсальная боевая единица. Наше Гнездо специализировалось на Уорхане, это горячие биоактивные болота. Но там сейчас тихо, вряд ли туда отправят.

– Угу. – Я поморгал и отвернулся от звезды. Хоть и тусклая, но глаза все-таки надо поберечь. – Слушай, ты не знаешь, тут есть Продавец?

– Где-то есть, но далеко, не в нашем лагере. – Стража с любопытством смотрела на меня. – Ты ведь не стража, Макс? И не старшая стража. И не жница. И не учетчик. И не монах. И не тактик. И не доктор...

– Нет, – сказал я, прерывая ее. Стражи вообще склонны к таким застреваниям, могут пару минут перечислять.

– А кто?

Подумав, я пожал плечами:

– Я джокер.

Стража подумала и уточнила:

– Это как в кино?

– Хуже. Это как в картах. Скажи, где тут огневой полигон?

Стража указала рукой и пробормотала:

– Странный ты. Будто человек.

– Таково Изменение, – ответил я.

Я уже понял, что этот ответ годится на любой вопрос.

Глава третья

До огневого полигона было километров пять. В серо-снежной целине Измененные протоптали широкую тропинку, скорее даже зимник, с крепкими высокими вешками метрах в пятидесяти друг от друга. Верхушка каждого шеста мерцала ярко-зеленым светом.

Значит, здесь бывают метели, когда можно сбиться с пути.

Заходящая звезда тускло светила мне в спину, длинная тень болталась впереди. От красного солнца осталась лишь неправдоподобно широкая полоса на горизонте, гаснущая с каждой секундой. Сутки на Саельме длятся ровно шесть часов. Настолько ровно, что я даже не сомневался – вращение планеты задано искусственно.

Я шел быстро, но меня то и дело обгоняли стражи, спешащие на полигон. Похоже, они совмещали дорогу с разминкой: то бежали легким марафонским бегом, то ускорялись, то переходили на шаг, подчиняясь какому-то своему режиму. На меня поглядывали с любопытством, но вызвано оно было скорее моим слишком человеческим обликом. Темп движения каждый выбирал сам.

Собственно говоря, они все выбирали сами. Когда лечь спать, когда идти в столовую, когда тренироваться. Какие-то команды им явно давало местное Гнездо, но большей частью все действовали самостоятельно.

Странная армия, если подумать. Армия – это ведь в первую очередь дисциплина, командный дух, прочая ерунда; ты часть команды, ты выполняешь приказы, у тебя жесткий режим.

А тут, на первый взгляд, царила какая-то вольница. Может, так себя вели пираты, или казаки, или еще какие-нибудь ополченцы, но никак не войска галактической цивилизации Инсеков!

Один раз высоко в небе бесшумно пролетел глайдер Измененных – узкое веретено из серо-синего металла. Ни крыльев, ни двигателей у него не было, как он передвигается – я тоже не знал. Управлению глайдерами учили в самом конце курса, вряд ли я его дождусь. Но глайдер смотрелся красиво, и я постоял минуту, провожая его взглядом.

Навстречу мне тоже шли Измененные, большей частью, конечно, стражи. Попалось и несколько толстых неуклюжих монахов, и несколько жниц – когда я их увидел, у меня снова тоскливо заныло в груди. Жницы здесь выполняли те же функции, что и на Земле, – учили, готовили, убирали, вели хозяйство.

Прошел и строитель – кряжистый, невысокий, похожий на сказочного гнома. Я повидал не так много Измененных, но уже понял, что семь видов обитателей Гнезд на Земле – это лишь верхушка айсберга. Куколка-жница-стража-старшая стража-хранитель-монах-мать... для обучения Измененных большего не требовалось.

К полигону я пришел почти в полной темноте. Небо пылало от звезд, хотя по космическим меркам Солнце и Росс 128 были соседями, даже созвездия большей частью остались похожими. Сказывался чистый воздух... ну и, наверное, мое улучшившееся зрение.

Тренировки на полигоне шли без всяких скидок на время суток. Возле маленького купольного здания стояли десятки легких стеллажей и столов, заполненных причудливым оружием. Говоря «причудливым», я не преувеличиваю. Часть оружия выглядела привычно: ствол, рукоятки, спусковые крючки, но попадались штуки, в которых трудно было заподозрить что-то опасное. На одном столе, к примеру, валялся треугольник из золотисто-зеленого металла, похожий на музыкальный инструмент, большая стеклянная призма и мягкая игрушка, напоминающая шестипалого медведя. На другом лежал колокольчик, язычок которого был бережно укутан пушистым комком ваты. Рядом с колокольчиком – нечто вроде короткой сабли, но совершенно тупой. Тренировочная?

Старшая стража, топчущаяся у столов, с любопытством смотрела на меня. Для своего Изменения она была маловата ростом, всего на полголовы меня выше. Зато очень широкоплечая. На твердой сероватой коже подбородка светлел не то шрам, не то пятно от ожога. Тоже необычно, у Измененных нет шрамов, раны заживают бесследно.

– Макс, прибыл на тренировку, – доложил я.

– Ана, инструктор, – ответила стража. – Знаю о тебе. Профиль определен?

Метрах в ста от нас грохнуло, ночь озарила вспышка дрожащего белого пламени. Стража даже ухом не повела.

– Определен, – кивнул я. – Разведчик.

– Морф? – спросила Ана, помедлив.

– Морф, – согласился я.

Стража протянула руку, прикоснулась к моему лицу. Я молчал.

– Ты похож на человека, – заметила стража.

Мне показалось, или в ее голосе мелькнула зависть?

– Базовый курс пройден? – поинтересовалась Ана, убирая руку.

– Нет. У нас в Гнезде... в общем...

– Знаю, – Ана посмотрела на стеллажи. – Тогда трудно. Будь ты стражей, можно было бы обойтись базовым снаряжением. Но ты должен владеть всем.

Я кивнул. Сказал:

– Тут много всего. Разве это удобно – иметь так много разного оружия?

– Наше оружие – на первых трех столах, – ответила Ана. – И четыре стеллажа у купола со старыми и специальными устройствами. Это просто.

– А остальное?

– Оружие врага, оружие контролируемых миров, оружие конкурентов. Ты должен владеть всем, твой профиль обязывает.

На полигоне застрекотало – тонко, с каким-то повизгиванием. Звук был очень странный, даже сравнить не с чем. Потом кто-то пронзительно, с болью и яростью, вскрикнул.

Стража опять никак не отреагировала.

– Я попрошу Гнездо дать мне информацию, – предложил я.

– Не Гнездо, – поправила стража. – Гнезда на Земле. Здесь мы говорим «Школа». И вряд ли Школа даст информацию.

Я пожал плечами. Даст... куда денется. Гнездо, Школа – суть одна, нейронная сеть с отпечатком сознания всех здешних Измененных.

– Информация без опыта бесполезна, – наставительно сказала Ана. – Хорошо. Начнем с нашего оружия.

Из купола вышла еще одна стража. Видимо, Ана как-то ее позвала, может быть, через Гнездо... простите – через Школу.

– Останься за меня, – велела Ана. – Я работаю с Максом персонально.

Она двинулась к первому столу. Я – за ней.

Ана одним движением сгребла десяток стволов – и пошла в темноту, к невысокому снежному брустверу.

* * *

Через два часа, когда наступил рассвет, мы с Анной заканчивали знакомство с оружием Измененных.

Я лежал на снегу, глядя в кружок прицела. Оружие походило на маленький отбойный молоток – сужающийся цилиндр с двумя короткими ручками по бокам и рифленой накладкой на стволе. На обеих ручках были тугие скобы. Пальцы мерзли – ночью похолодало.

– Пошел! – скомандовала Ана.

Метрах в двадцати передо мной снег будто взорвался – из него выметнулась вверх темная фигура в развевающихся клочковатых одеждах, похожая не то на привидение, не то на дементора из сказки. Под обрывками одежды угадывалась поблескивающая темная чешуя.

Я нажал левую скобу – рукоять отреагировала легким толчком, ствол повело в сторону, за мечущейся скачками фигурой. Потом правую – оружие будто стало на миг тяжелее, даже просело в снег.

Фигуру разорвало в клочки.

– Рипер работает лишь против визуально видимой живой органики, – сказала Ана. – Это ограничение. Даже плотная одежда защищает от импульса.

– Тогда против кого он нужен? – спросил я.

Ана нагнулась, забрала рипер, положила передо мной длинноствольный пистолет.

– Против существ, которые не носят одежду.

– Зверей?

– И зверей тоже. Бери. Это секадор.

Я помедлил. С названиями всех этих причудливых стволов я уже разобрался. Все они шли от земных языков. Те, что были названы англичанами или испанцами, я понимал.

– Также против органики?

– Металл не пробьет. Камни и дерево не помеха. Пошел!

Следующая цель возникла дальше и гораздо правее. Это был гуманоид – тонконогий, длиннорукий, с приплюснутой головой, в грязно-зеленом халате, болтающемся над коленями. В одной руке он держал короткое копье с широким, сверкающим, будто стеклянный, наконечником, в другой – овальный металлический щит. Гуманоид не пытался прятаться или убегать, он побежал прямо на меня.

Я выстрелил.

Пистолет выпустил яркий оранжевый луч – гуманоид присел, прикрываясь щитом. Впрочем, я и так промахнулся.

Гуманоид вскочил и вновь устремился в атаку.

Я тоже вскочил, лежать на снегу было глупо. Выстрелил дважды. Оба раза попал.

Оба раза в щит.

Черт, не может же враг быть быстрее луча!

– Хмоли отслеживают направление ствола и движение твоего пальца на спуске, – настойчиво сказала стража. – Очень хорошее зрение и быстрая реакция.

Гуманоид был уже в десяти шагах. Я видел его лицо – мелкие оскаленные зубы в широком, чуть приоткрытом рту, неотрывно следящие за мной выпученные глаза, вынесенные к самым ушам. Что-то в нем было от лягушки...

Я выстрелил еще раз – и хмоли опять отразил луч щитом.

А потом метнул копье. Очень сильно, целясь мне в шею.

Я прыгнул вверх, чувствуя, как тело сводит судорогой Изменения. Краем глаза я увидел руку Аны, пытавшейся отбросить меня из-под удара, но меня уже там не было. Копье летело страже прямо в плечо.

Не рассуждая и не примеряясь, я ударил ногой по копью, сбивая его, закручивая и подбрасывая вверх. Поймал в воздухе – и, падая, ударил хмоли сверху. Копье пробило ему грудь и пригвоздило к снегу.

Я приземлился рядом, пнул гуманоида по щиту, которым тот пытался прикрыться.

Хмоли смотрел на меня, все так же беззвучно скалясь. На губах пузырилась темная красная кровь. Я чувствовал едкий густой запах – запах пота и крови, запах смерти.

– Черт! – завопил я. – Он что, не иллюзия?

– Это конструктор, – ответила Ана. – Добей его, не будь излишне жестоким.

Сочувствия в ее голосе, впрочем, не было.

– Он живой! – выкрикнул я.

– Он умирает. Конструкт существует не более пяти минут, но он испытывает боль и осознает себя. Ты хочешь подарить ему четыре минуты мучений?

Хмоли смотрел на меня, продолжая сжимать в руке щит. Потом откинул руку, перестав прикрываться.

– Черт, черт, черт! – завопил я.

Первые цели были иллюзиями, совершенно точно. Они таяли в воздухе, когда я в них попадал.

Но... потом некоторые падали. Некоторые даже умирали не сразу – я еще подумал о том, насколько правдоподобны эти иллюзии...

Сколько же настоящих, живых и разумных существ я убил за эти два часа?

– Он страдает, – сказала Ана.

Я вскинул пистолет, почти уткнувшись стволом в гуманоида. И нажал на спуск.

Над хмоли встало облако пара, я отшатнулся. Пар оседал кристалликами льда, покрывая иссушенное, сразу ставшее жалким и уродливым тело.

– Ты очень быстр, – похвалила Ана. – Немногие способны уклониться от копья с такого расстояния.

– Он был живой, – сказал я. – Он умирал и понимал это!

Ана помолчала. Потом сказала:

– В конструкты записывают память чужаков, совершивших тяжкое преступление. Этот хмоли был лидером мятежников на Уорхане. Он командовал группой, напавшей на госпиталь. Шестеро стражей и локальный координатор были убиты. Четыре жницы захвачены в плен, подвергнуты жестоким пыткам и ритуальному пожиранию.

– Уорхан – их мир? – спросил я, помедлив.

– Был их миром, – безжалостно ответила Ана. – Теперь его контролируют Инсеки.

– Какие смыслы они ищут в болоте, где живут людоеды? – удивился я.

– Это вопрос не ко мне, – Ана пнула ссохшийся труп, тот рассыпался в прах. – Мой отряд подавлял мятеж на Уорхане. Многого навидались. К примеру, пленных жниц. Одна была частично жива... Этот хмоли будет умирать еще много раз, еще много лет. Пошли, Макс.

Я посмотрел на останки хмоли.

Потом на невозмутимую стражу.

Потом представил себе Дарину.

Кивнул и пошел к стеллажам.

* * *

Мы завтракали. Стояли у купола, рядом с заваленным странным оружием столом, и ели из пластиковых судков. Можно было зайти в купол, в тепло, некоторые стражи так и поступали. Но Ана осталась снаружи, и я последовал ее примеру. Не хотелось показывать себя неженкой.

На Саельме ели два раза в день, как правило, завтракали после восхода солнца и ужинали сразу после заката. Если пересчитать на земные сутки, питание получалось восьмизачевым.

Но организмы Измененных требовали много пищи.

Что меня удивляло, так это сама еда. Вначале я ожидал какие-то рационы, вроде тех, что покупал в Комках. Но здесь питались, как в ресторане, даже на полигоне. В моем контейнере, к примеру, была очень вкусная белая рыба с не менее вкусным рисом. У стражи – здоровенный едва прожаренный стейк и немного овощей. Я уже начал привыкать к тому, что когда-то сказал Инсек: «Ни материя, ни энергия, ни пространство не являются ценностью». И все-таки такое бытовое подтверждение было неожиданным.

Значит, Инсеки или Продавцы могли бы легко накормить всю Землю? Завалить людей вкусной жратвой, дизайнерской одеждой, сложной техникой?

Умом я понимал, что ни к чему хорошему это не привело бы. Но при мысли о скудных государственных пайках, ставших роскошью автомобилях и гоняющихся за кристалликами людей меня охватывала злость.

Я ковырял вилкой рыбу – она оставалась горячей, хотя вокруг было градусов пятнадцать ниже нуля. Поглядывал на меланхолично жующую мясо стражу.

– Сколько у тебя времени? – спросила Ана.

– То есть?

– Когда тебя отправят на задание?

Я пожал плечами. Эта старшая стража мне одновременно и нравилась, и пугала, причем по одной и той же причине. Она была какая-то очень человеческая, будто лишь изображала невозмутимость Измененных. В ее словах о мятежнике-хмоли я почувствовал настоящую ненависть, а сейчас Ана казалась искренне заинтересованной.

– Не знаю. Когда велют.

– Разведчики очень нужны, – сказала Ана. – Сейчас очень напряженная ситуация в системе Трисгард. Это миры розовокожих гуманоидов.

– Тэни? – уточнил я. – Такие, четырехпалые?

– Кое-что ты знаешь, – удовлетворенно сказала Ана. – Да. Они самые. Милые, умные, смертоносные. Уже год висит заявка на морфа.

– И ни одного не появилось за год? – удивился я.

– Почему же? Были двое. Видимо, кончились. – Ана отложила пустой судок, взяла кружку из толстого пластика. От кружки шел пар. – Боюсь, тебя направят на Трисгард, и очень быстро.

– Таково Изменение... – пробормотал я. Тоже взял кружку. Очень хотелось кофе, но кофе тут не пили. Мне досталось какао – самый похожий на кофе напиток, какой нашелся.

– Да ты дурак, Макс. Без хорошей подготовки не выдержишь внедрения, – Ана отхлебнула свой чай – или что там у нее было. – Хватит бормотать про Изменение, великую благодарность Инсекам и нашу великую миссию. Мы пушечное мясо.

– Тебе сколько лет, Ана?

– Зачем тебе?

– Хочу понять, почему ты такая умная, – не удержался я.

– Восемь. Я из самых первых Измененных с Земли. И зови меня в мужском роде, я парень. Страж Ана – ясно?

Я хмыкнул. Ну надо же, кое-кто упрямо держится за свою сущность!

– Восемь лет в Изменении. А родился я двадцать три года назад.

Я едва не ляпнул, что мы почти ровесники, но в последний момент удержался. Тогда получалось бы, что я тупил многие годы после Изменения, что совсем уж странно. Здесь я говорил, что мне девятнадцать, врал про исключительно позднюю мутацию... А вот мой наставник как раз был таким исключением.

– Так что слушай старшего, – наставительно продолжал Ана.

– Слушаю, – согласился я. – Но разве стражи бывают... мужчинами?

– Мужчиной тебя делает не член с яйцами, – ответил Ана. Хмыкнул. – Хотя я бы не отказался. Тут есть очень милые жницы... У тебя был секс со жницами? Твой профиль, похоже, позволяет.

Я промолчал.

– Понял, – ухмыльнулся страж. – Молодец, нечего трепаться. Одни не поймут, другие обзавидуются.

– Почему стражей лишили секса? – не выдержал я.

– Секс вносит нестабильность, провоцирует любовь, снижает боеспособность, – Ана пожал плечами. – А еще никому не нужны Измененные, способные размножаться. Так, глядишь, могли бы задуматься, натянуть Инсекам глаза на жопу, порвать Прежних на лоскуты и...

Он замолчал, словно сообразив, что слишком разговорился.

– Я сам их не люблю, – согласился я. – Но разве Измененные могли бы победить Инсеков и Прежних?

– Кто знает, – неохотно ответил Ана. – Они, конечно, куда сильнее. На Сунерде я видел, как Прежний в одиночку уничтожил больше сотни Измененных.

– Видел?

– Своими глазами, – подтвердил Ана. – Я был в том отряде.

– А потом? – с жадным любопытством спросил я.

– Потом мне повезло, и я убил Прежнего, – Ана ухмыльнулся. – Хватит, завтрак закончен. До вечера тебе надо ознакомиться с оружием тэни.

– Это их? – Я протянул руку к странному колокольчику с замотанным ватой языком.

Ана резким движением перехватил мою кисть.

– Не трогай! Вообще надо убрать, как это сюда-то занесло...

– Оружие? – поинтересовался я, потирая руку. Хватка у стражи была железная.

– Да, и очень мерзкое, – ответил Ана. – Вообще ничего не трогай без разрешения! Тебя хоть чему-то учили?

– Ну...

– Вижу, что «ну». Одно слово, русские!

– А ты сам-то кто?

Но Ана не ответил, лишь отмахнулся и пошел вдоль стеллажей. Я двинулся следом, размышляя, нравится он мне все-таки или нет.

Честно говоря, слова про убитого Прежнего перевешивали для меня его грубость.

– Давай закончим с нашим вооружением. – Ана остановился у стеллажа. Задумчиво потер массивный подбородок. – Пробежимся по ручному... С чего бы начать...

Гигантский красный диск звезды уже подползал к зениту. Я глянул вверх, поежился и отвел взгляд.

Нет, это реально страшно выглядит!

Звезда маленькая и не очень яркая, но с планеты кажется огромной. А из-за того, что мы так близко, она не просто большая, но еще и различимая в деталях. Видны протуберанцы, пятна, какие-то завихрения и всполохи. От темных пятен даже иногда тени по снегу пробегают!

– Ана, а протуберанцы до планеты не достают? – спросил я небрежно.

– Было пару раз.

– Что?

– Не ссы, – ответил Ана рассеянно. – На орбите есть щит, он включается в случае опасности. Только снег немножко подтаивает... Вот! Пожалуй, тебе стоит освоить эту штуку.

Он взял со стеллажа небольшой, почти обычного вида пистолет. Протянул мне. Я pokrутил оружие в руках. Спуск, кнопка слева над рукоятью, в стволе круглое отверстие...

– Предохранитель?

– Да.

– А это спуск?

– Верно.

– Огнестрельное?

– Ты имеешь в виду пороховое оружие земного типа? Нет. Такой экзотики у нас нет. Опробуй.

Я нацелил ствол в ближайший снежный бруствер, вопросительно посмотрел на стража. Тот кивнул.

Я выстрелил.

Полыхнуло. Снег разметало в стороны.

– Ух ты, – восхитился я.

– Обычный плазмомет, – ответил Ана. – Только модель военная, на максималке, у полицейских заряд поменьше.

– Сколько зарядов?

Страж посмотрел на меня с удивлением.

– На два года, если фокус свежий.

Фокус?

– А, – сказал я. – Ну да. Я это и имел в виду. На сколько хватает фокуса?

– Как может фокуса хватать на другой срок? – вопросом ответил Ана. – Локальный энергетический фокус держится семьсот двадцать четыре земных дня, что ты с ним ни делай! Это же константа! Как и мощность!

Очень трудно изображать, будто ты разбираешься в чем-то, что для тебя похоже на колдовство.

Ана задумчиво смотрел на меня. Я вертел в руках оружие.

– Макс, если ты объяснишь мне, что с тобой не так, – сказал Ана негромко, – мне будет проще тебе помочь.

– Таково Изменение, – упрямо повторил я. – Долго поправлялся, потом в Гнезде были проблемы.

Ана вздохнул.

– Если бы не чувствовал, что ты наш, – принял бы за шпиона, – сказал он задумчиво. – Но Школу не обманешь... Хорошо, сейчас возьмем оружие тэни и пойдем в стрелковую зону. Вот у них как раз пороховые заряды в ходу. Оружие примитивное, но тоже имеет особенности...

Я с облегчением пошел за стражем.

Интересно, тренироваться буду на иллюзиях?

Или опять эти... конструкты... с разумом мятежников?

Я думал об этом, пока мы не вышли на позицию.

И понял, что мне это совершенно безразлично.

Глава четвертая

На стрелковом полигоне я занимался еще один день и еще одну ночь – то есть еще шесть часов. Звезда выкатывалась из-за горизонта, зловещим гигантским глазом следовала по небосклону и уходила, оставляя за собой холод и тьму.

Я стрелял из оружия существ под названием тэни, из оружия Измененных (оно было как-то понятнее и привычнее), а потом из оружия тех Измененных, что служили Прежним. Его, впрочем, было не так много, Прежние предпочитали встраивать оружие в солдат. Знакомые мне бойцы с излучателями в добавочных руках, чистильщики – свора связанных общим интеллектом мелких тварей, необязательно, кстати, с крысиной ДНК, к человеческой могло добавляться все, что угодно. А еще ходоки, мараки, сирены, танцоры, буги, кусаки, стельщики и панцеры – десятки, сотни модификаций, самые немыслимые сочетания человеческой и нечеловеческой плоти, со встроенным или выращенным внутри оружием. Какие-то из них были распространенными, какие-то крайне редкими, их создавали для конкретных заданий, порой лишь один раз за всю историю.

Кстати, так устрасивший меня некогда уничтожитель, здоровенный и невидимый шестилапый монстр, серьезным противником не считался. Как я понял, это было одно из простейших и быстрых Изменений, редко использовавшееся в серьезных боях. Поэтому, наверное, Слуги и выращивали их на Земле для атаки на Гнездо.

Теперь я ясно понимал, что Гнезда на Земле не были даже полноценными тренировочными центрами. Скорее уж яслями, детским садом, где давали самые первые знания и готовили детей к учебе. И такие грозные с виду стражи оставались, по сути, детсадовцами, играющими в войну...

Школа была здесь.

А мой наставник, похоже, прошел все возможные университеты.

Нельзя сказать, что он был мной доволен, – я неимоверно тупил, не знал ни одного оружия, дважды собирался использовать причудливые пушки так, что убил бы и себя, и его. Тут ведь не держали холостых патронов или тренировочного оружия, все было всерьез.

Но тем не менее я удостоился похвалы за быструю реакцию и хороший прицел, после чего поймал себя на мысли, что очень этим горд.

Неужели у меня начала ехать крыша? И я скоро стану таким же, как остальные Измененные, – вполне довольным судьбой и полным решимости сражаться за Инсеков?

Хотя сам Ана не выглядел образцовым воином, рвущимся в бой. Нет, на осторожного ветерана, пристроившегося на спокойное местечко и обучающего молодежь, он тоже не походил. Но какая-то усталость и презрение ко всему в нем были. Если бы я не знал, что он мой ровесник, – решил бы, что старшему стражу лет сорок как минимум.

С другой стороны, Измененные выросли очень быстро. Куколки уже через несколько дней переставали вести себя как дети – немногие исключения вроде Наськи только подтверждали правило. Наверное, дело было даже не в мутациях тела и не в уроках, на которых их учили воевать. Само общение с коллективным разумом Гнезда старит.

Точнее, вначале взрослит. А потом, конечно же, старит.

Местная Школа в этом отношении была еще серьезнее. Я не разговаривал с ней так, как с земным Гнездом перед вторым Призывом, но мне казалось, что если бы я оказался в виртуальном пространстве наедине с сознаниями прошедших через нее солдат – то увидел бы мрачных, покрытых шрамами мужиков и усталых женщин с безжалостными глазами.

Тут хочешь не хочешь, а постареешь.

А ведь на планетах, где Измененные служат, есть еще и местные Гнезда – не знаю уж, как их там называют. И в них отпечатки разума тех, кто уже воевал по-настоящему, терял друзей и убивал врагов. Через такое пройти – мало не покажется.

– Ты побывал во многих мирах? – спросил я Ану, когда мы устроили очередной перерыв. Солнце взошло, но короткий местный год уже повернул к зиме, и на улице стоял конкретный дубак, градусов двадцать – двадцать пять ниже нуля. Так что мы зашли в купол и ели там.

– Служил на шестнадцати, не считая Саельма и Земли, – ответил Ана.

– Это много, – предположил я.

Ана кивнул. Добавил:

– И на трех боевых кораблях.

– Я думал, Инсеки корабли не используют.

– Все используют, – ответил Ана. – Экраны для перехода нужно доставить на планету, для захвата плацдарма надо высадить десант.

– Ты был в десанте?

– Трижды в планетарном, два раза во второй волне, через экраны, – Ана искоса глянул на меня. – Если хочешь спросить, то отвечу сразу. Это много. Потери планетарного десанта около тридцати – сорока процентов. Десант второй волны теряет до двадцати процентов личного состава. Так что я везунчик.

– Потому и стал учить других?

Ана уставился на меня. Покачал головой.

– Как странно с тобой говорить. Будто с человеком.

– Извини.

– Мне нравится, – страж оскалился. Рот у него широкий, а вот зубы человеческие, это выглядело жутковато. Я вообще понял, что самое страшное – это не монстры, совершенно не похожие на людей, а люди, в которых есть что-то от монстров, или монстры, в которых есть что-то от людей. – Большинство забыло, кем они были. А я нет. Я тоже странный. Верно?

Неловко пожав плечами, я ничего не ответил. Что вообще тут не странно?

– Потому меня и направили в учебку, – продолжил Ана. – Я никак не умирал и вел странные разговоры. И первое, и второе вполне допустимо. Но не вместе.

Он снова улыбнулся. Чувствовалось, что улыбка для него сознательное действие, что ему приходится прилагать для этого усилия. Старшие стражи не приспособлены улыбаться.

– А здесь можно? – спросил я.

– Здесь я общаюсь с курсантами, которые приходят и уходят. Стандартный курс обучения – месяц, расширенный – три. Из них на полигон отводится неделя-две, но времени для разговоров тут немного. Некогда смущать умы.

Я кивнул. И нахмурился, ощутив касание Гнезда... то есть Школы.

Мне предлагали прибыть к учетчику.

Никаких сроков не называлось, значит – можно не спешить, но и задерживаться не стоит.

– Зовут? – спросил Ана. – Ты прислушивался.

– Ага. К бюро... к учетчику.

Ана залпом допил свой напиток. Поинтересовался:

– Велели прийти одному?

– Не уточняли.

– Ясно. Схожу с тобой.

Я не стал спрашивать, зачем. Замерзнуть или сбиться с пути я не боялся, но в любом случае возвращаться вдвоем будет веселее.

* * *

Бюрократ будто и не выходил из своей каморки. Так же сидел за столом, погрузив руку в бесформенный «ноутбук». Над столом воздух слабо искрился – там работал экран, невидимый с нашей стороны.

Единственным новшеством была тарелка, полная чипсов. Валь с аппетитом хрустел ими, при нашем появлении быстро сдвинув тарелку в сторону – будто смутился. Ощутимо пахло луком.

– Макс, – промямлил учетчик, быстро прожевывая. Посмотрел на стража. – Ана?

Страж кивнул.

– Я не вызывал, – с легким удивлением произнес Валь.

– Решил лично доложить о подготовке.

– Похвально, – рассудил учетчик, поразмыслив секунду. – Макс очень нужен в шестом секторе.

– Тэни? – спросил страж.

– Тэни, – кивнул учетчик. – К сожалению, у него нет времени...

– Макс не готов, – сказал Ана.

Учетчик запнулся.

– Не готов, – повторил страж. – Не одобряю отправку.

Валь совершенно человеческим движением потер лоб. Вздыхнул.

– Я тоже не одобряю. Но срочный запрос, без уточнений.

– Как старший инструктор по огневой подготовке отклоняю отправку и запрашиваю дополнительное время.

Учетчик и страж уставились друг на друга.

– Как старшая инструктор, – поправил учетчик.

– Да насрать. Все равно не одобряю.

Валь привстал и замотал головой.

– Нет! Нет, Ана! Ему не в десант! Ему не стрелять! Каким концом оружие на врага направить знает?

– Не всегда, – невозмутимо ответил старший страж. – Но хуже другое, он не готов психологически. Обучение в Гнезде нулевое, подготовка провалена. Испытывает сочувствие даже к конструктам. При необходимости ликвидации противника будет колебаться. Хочешь, чтобы морф был потерян через пару дней после внедрения? Снова?

– А я что могу сделать? – Валь повысил голос. – Срочные запросы не отклоняют!

– Ты ответишь, что курсант вместе с инструктором находится на боевой тренировочной миссии, связь отсутствует.

К моему удивлению, бюрократ немедленно сел в кресло. Поковырял пальцем во рту и принялся с упоением грызть ноготь.

Господи, сколько ж ему лет на самом деле! Еще чипсы эти...

Мне вдруг безумно захотелось чипсов.

– Куда? – спросил Валь.

– Шогар.

– Опасно, – бюрократ покачал головой.

– Я присмотрю лично.

– Время?

– Двое земных суток.

– Сутки, не больше. Иначе его оттуда выдернут.

– Сутки, – согласился Ана.

– Ответственность на тебе, – предупредил Валь.

– Конечно.

– Я сообщу твое особое мнение, – сказал бюрократ. – Если в миссии откажут, то Макс придется отправляться. Конечно, если он уже будет не на Саельме, придется его дожидаться. Но я настоятельно прошу не покидать лагерь.

Ана осклабился.

– Это в моей компетенции. Благодарю, учетчик.

Он протянул руку, сгреб горсть чипсов и вышел. Я развел руками и последовал за ним.

Старший страж ждал меня в коридоре, кидая в рот чипсы. Протянул ладонь – я взял несколько, спросил:

– Для тебя важно подчеркивать, что ты мужчина? Или чисто для фана?

– Это всех бесит, – Ана опять ухмыльнулся. – Для фана, конечно.

– А я действительно не готов?

– Запомни, Макс, никто и никогда не готов воевать, – Ана подумал мгновение. – Нет. Мне просто с тобой интересно, ты необычный. Пошли!

* * *

Не представляю, чтобы на Земле солдат с сержантом (я примерно так распределил наши с Аной роли) могли зайти в оружейную, взять, что понравится, а потом отправиться на задание. Наверняка даже в воюющей армии есть какие-то правила и процедуры.

Здесь оружейная комната даже не охранялась!

Такого изобилия, как на полигоне, правда, я не увидел. Просторная комната в одном из куполов, по соседству со складом продуктов и, кажется, электростанцией. Стеллажи с базовым оружием Измененных. Несколько стоек с чем-то экзотическим, но их Ана проигнорировал. Подошел к основным стеллажам, стал осматривать оружие, придиричиво выбирая.

– Шогар планета и впрямь опасная, – сказал он. – Это одиночный мир, населенный разумными существами, которых мы называем лавли.

Как-то мне не понравилась эта калька с английского, сочетающаяся с опасностью планеты. Но я промолчал.

– Цивилизация достаточно древняя, но не технологическая, – продолжал Ана. – Биосфера в обитаемых зонах скудная и не опасная, все опасные виды давно уничтожены. Оккупация открытая, уже несколько сотен лет. На планете есть гарнизон, ограниченно контактирующий с местными. Мы выйдем в охраняемой зоне и отправимся в патрулирование, девчонки будут благодарны.

– Девчонки?

– Стражи, – неохотно поправился Ана. – Проведем там сутки. Несколько вылазок, отдых, возвращение. Надеюсь.

– Зачем Инсекам эта планета?

– Как всегда – смыслы.

Я вздохнул.

– Ана, я совсем тупой. Мне говорили про смыслы, я вроде бы понимаю, о чем речь – новые идеи, концепции... так?

– Так.

– Речь о каких-то изобретениях? Научных открытиях?

Ана поморщился. У старшей стражи лицо малоподвижное, но он постарался.

– И это тоже, конечно. Но смыслом может быть что угодно. Осознание красоты цветка, к примеру. Музыкальная тема. Мысль о бесконечности Вселенной или тщетности бытия.

– А ты философ.

– Я странный. Я был начитанным ребенком. И после Изменения не только оружие изучал. Так вот, любая новая концепция, принятая и осмысленная цивилизацией, приближает ее к сингулярности. Плохо то, что все смыслы – одноразовы по своей природе, невозможно собрать набор смыслов и возвысить им все культуры одновременно. Поэтому те, кто сильнее, отбирают смыслы у тех, кто слабее.

– Но как? – не сдавался я. – Кристаллики?

– Теперь – да. Прежние обходились без них, но в чужом мире трудно контролировать все информационные потоки. Проще воспользоваться услугами Продавцов, а местные сами притащат кристаллы... Бери рипер.

Ана протянул мне конус с поперечными ручками.

– Они даже одежду не носят? – поразился я. – И при этом продуцируют смыслы?

– Смыслы, дорогой Макс, не в штанах рождаются, – наставительно ответил старший страж.

Сам он вооружился основательнее. Взял рипер, взял стандартный карабин, стрелявший несколькими видами метпатронов. Боеприпасы, которыми снабжал меня на Земле Продавец, широко использовались солдатами Инсеков.

Поколебавшись, Ана добавил к своему арсеналу лазерный излучатель, похожий на автомат с коротким ребристым стволом. Как-то очень ловко стал закреплять оружие на костюме.

– Рипер не очень удобен, – пожаловался я. – Рукояти по бокам, очень спорное решение.

– Если стоишь, то держишь за цевье и любую из рукоятей, – ответил Ана. – Спуск дублирован, первое нажатие – захват, дожатие – спуск.

– Я помню, но все равно... не очень удобно.

– Для форм с числом рук больше двух – идеально, – отрезал страж.

На одном из стеллажей я заметил что-то вроде бронежилетов, но их Ана вниманием не удостоил. Мы вышли из оружейной, потом из купола.

Опять настала ночь.

Дул ровный сильный ветер, по ногам мела поземка. Мой комбинезон неплохо защищал от холода, да и сам я изменился, но все-таки было неуютно.

– На Шогаре холодно? – спросил я небрежно, пытаясь как-то поудобнее взять рипер.

Ана, не спрашивая разрешения, расстегнул на мне плащ, забрал из рук оружие и приложил к моему поясу.

Рипер прилип, будто на магнитах.

– Нет, не холодно.

– Ясно, – сказал я мрачно, вновь застегиваясь. – Раскаленный ад.

Мы шли между куполами к самому большому и дальнему – там работали экраны перемещений.

– Нет, – успокоил меня Ана. – Вовсе не раскаленный.

Мне очень захотелось дать ему подзатыльник.

Кстати, он бы, наверное, даже не обиделся. Может, рассмеялся бы натужно.

– Ты специально ничего не объясняешь?

– Ага, – сказал Ана с удовольствием. – Я же тебя учу. Мне интересна твоя реакция. А брифинги... они у тебя будут перед настоящими миссиями. Поверь, про тэни ты узнаешь все, что нужно, – и даже больше.

Я мог, конечно, попросить Школу дать мне информацию. Но чтобы получить не эмоциональный отклик, а полноценные данные, пришлось бы продемонстрировать свои способности. Вряд ли это стоило делать без нужды.

– Мне тут одиноко, – неожиданно сказал Ана. Он шел все так же размеренно, сухой снег похрустывал под его ногами. – Со стражами и старшими стражами скучно. Жницам я не очень

интересен. С куколками можно поболтать, но они в нашем лагере бывают редко... и слишком уж восторженные.

– Куколок-то зачем сюда тащат? – раздраженно спросил я.

– Некоторые профили проще завершать в тренировочном лагере или на месте службы.

Пилоты кораблей, к примеру, такие. Амфибии и глубоководные формы.

Ана остановился и топнул ногой.

– Тут, под нами, под двадцатиметровым слоем льда – океан. Их мир.

Я остолбенел. Я этого не знал.

– Там тоже есть тренировочные лагеря, – сказал старший страж. – Их немного, потребность в водных формах невелика, но она есть. На отметках сто двадцать, шестьсот сорок и две тысячи триста метров.

Я молчал. Меня начала бить дрожь.

– Туда забирают куколками, – продолжал Ана. – Тех, кто хочет, конечно. Кто готовился в Гнездах Гренландии, Крыма, Тайваня, Кауаи. Они мутируют в водные формы жизни и перестают дышать воздухом.

– Навсегда? – спросил я, помедлив.

Ана пожал плечами. Стоял, глядя себе под ноги.

– У тебя... кто-то там есть? – осторожно предположил я.

– Я был в Гнезде вместе с сестрой, – ответил Ана. – Нас безнадежно поломало... попали под цунами. Родители погибли. Нам предложили пройти Изменение. Я ненавижу воду. А сестра решила, что она ее покорит.

Он снова двинулся вперед. Бросил через плечо:

– Мультик про Русалочку ей нравился... Есть еще тренировочный лагерь летунов. Я туда хотел, но профиль не сходил, лагерь всего один, туда берут лучших. Изменение крайне сложное, требуется еще и перестройка мозга, это всегда опасно.

– Ну... ты стал хорошей стражей... хорошим стражем, – поправился я. Резкий порыв ветра бросил мне в лицо снежный заряд.

– Одним из лучших, – без всякой гордости сказал Ана.

Мы подошли к куполу. Ана вдруг резко развернулся, посмотрел на меня.

– Ты что-то скрываешь, Макс. Необязательно плохое. Но что-то недоговариваешь про себя.

Он помолчал, буравя меня взглядом. Потом растянул свое жесткое лицо в ухмылке.

– Но мне это нравится. Так что я к тебе с расспросами не лезу.

– Спасибо.

А что еще я мог сказать?

Впрочем, когда Ана открыл дверь, я понял, что.

– Мне тоже тут одиноко, старший страж.

Мы вошли в тамбур, отряхнули снег. Прошли в дежурку, где за пультом сидел монах. Не знаю уж, зачем, обычно техника Инсеков не требовала присмотра. Но перед ним был пульт, в воздухе висели экраны с непонятными символами.

– Привет, – сказал Ана. – Шогар в резонансе?

– Еще трое суток будет, – ответил монах, с любопытством разглядывая меня. Я у всех вызывал интерес.

– Мы на сутки, тренировочная миссия.

– Второй отсек, большой экран, – сказал монах. Перед ним на столе лежала открытая книга: обычная, человеческая. Я присмотрелся – язык был незнакомый. Какой-то скандинавский, похоже.

– А где жницы? – спросил Ана.

– Новенькие с Земли прибыли, встречают.

Поток курсантов шел волнами, то в один лагерь, то в другой. Видимо, настала очередь нашего принять свежую партию.

Мы прошли во второй отсек (их тут было с десятков). По пути увидели открытую дверь в первый, самый большой. Там сутились жницы. Транспортный экран светился серым светом, поверхность его искрилась – кто-то прибывал. В помещении уже скопилось с десятков стражей и несколько жниц, они топтались, непроизвольно сбившись в кучку. Одна жница держала за плечо куколку – чернокожего мальчика лет десяти. Тот глянул на меня, я ободряюще кивнул. Куколка кивнула и отвернулась.

Не было тут никого знакомого и не будет.

Глава пятая

Переход через экран всегда одинаков. Что на Селену, в корабль Инсека, что на далекий Саельм, ощущения одни и те же – отсутствие всяких ощущений. Ты не теряешь сознания, не испытываешь ни боли, ни эйфории, ни головокружения. Будто вошел в серую занавесь – и вот уже чувствуешь на лице воздух чужого мира, а спиной еще остался в прежнем.

Вот как это сделано?

Я когда-то боялся, что, проходя через экран, умираешь, а в другой точке возникает твоя копия. Это жутко. Может, ты и ощущаешь себя прежним, но ведь на самом деле такой же «ты» умер!

Но нельзя ведь умирать частями!

Значит, переход каким-то образом сближает, стягивает между собой две точки пространства? И ты действительно шагаешь через световые года?

Бесполезно об этом думать. Земные физики, наверное, какое-то объяснение себе нашли. Всякая там квантовая запутанность, нелинейность пространства и прочие умные термины.

Мне достаточно было того, что я оставался собой.

Первым в экран шагнул Ана.

Я за ним.

И едва не задержался на полушаге, одной ногой здесь, другой – там. Слишком уж все было неожиданно.

Никакого купола!

Вообще никакого здания.

Экран стоял на траве, закрепленный между двумя деревьями. Мы оказались в лесу – редком, светлом, почти земном. Нет, деревья, если присмотреться, были чужими: листья слишком толстые, кора ровненькая, все сучья торчат вверх. Даже зеленый цвет листьев имел какой-то непривычный оттенок.

Но – деревья. И трава под ногами. И голубое небо. И желтое солнце привычных размеров.

День стоял по-летнему теплый. Я непроизвольно расстегнул плащ. Ана с любопытством смотрел на меня.

– А где гарнизон? – спросил я. – Где строения?

– Тут нет строений, – ответил Ана. – Местные очень не любят замкнутые пространства, попытка поставить купол или построить дом вызывает бурную реакцию. Решили не обострять без необходимости.

Я осмотрелся.

Нет, лесок был не столь уж девственным. Я заметил какие-то устройства, закрепленные на стволах деревьев – камеры? В траве кем-то протоптаны тропинки. А вдали, за деревьями, тянулся высокий частокол, ограждающий эту часть леса.

– Значит, просто огородили участок? – спросил я. Ана кивнул. – Дождей тут не бывает?

– Бывают. Но зимы теплые и короткие.

– Ну... тогда еще ничего, – решил я. И замолчал – по тропинке к нам шла жница. Хотя нет, когда она приблизилась, я заметил белые глаза. На Земле таких называли хранителями, ни одно Гнездо без них не обходилось. Здесь их профиль немного менялся – коменданты. В нашем лагере тоже такая была.

Ана помахал коменданту рукой. Она приблизилась, внимательно осмотрела нас, особо сосредоточившись на мне.

– Старший страж Ана. Нахожусь с курсантом Максом в тренировочной миссии.

– Опять ты за свое, – сказала комендант с легким раздражением.

Я тем временем пытался найти местное Гнездо... ну, или как оно тут называется. Странно, знакомого присутствия не ощущалось!

– Ищешь Форт? – спросила комендант.

Понять было несложно. На Земле – Гнездо, на Саельме – Школа. А здесь уже Форт.

– Да.

– У нас его нет, – комендант покачала головой. – Лавли ощущают информационное поле.

– Могут перехватить информацию? – предположил я.

– Протестуют. Приняли решение не обострять, – комендант подошла вплотную. Я ощутил ее запах: характерный для жниц и хранителей, слишком многое мне напоминающий... – Какой профиль? Морф?

– Морф, – согласился я.

– Здесь тебе нечего делать, – с явным сожалением сказала комендант. – Мое имя Сэм.

– Саманта? – уточнил я.

Комендант растерянно мигнула.

– Какая разница? Да, когда-то. Что ты знаешь о Шогаре?

– Ничего, – признался я.

– Ана, так нельзя, – укорила комендант. – Слушай внимательно, Макс. Поддержки Форта не будет, вся информация устная или из документов. Шогар – постиндустриальная планета, населенная генетически модифицированными существами милейшей внешности и безжалостной натуры. Как следует из данных Инсеков, более тысячи лет назад обитатели Шогара видоизменили свои тела и отказались от технологий и дальнейшего развития. Они обладают биологической волновой информационной сетью, напоминающей наши Гнезда и Форты. Интересы к пришельцам не испытывают, но очень любят убивать и мучать. Это их забавляет. Кстати, бедность биосферы объясняется просто – лавли уничтожили все живые формы, кроме минимума, необходимого для существования биоценоза. У них нет страха смерти, вероятнее всего, по причине переноса сознания из одной особи в другую. Они знают, что тотальный геноцид запрещен Высшими, а гибель нескольких процентов популяции их не пугает. Единственный интересующий их товар – музыка. Спутники на стационарной орбите стимулируют продукцию кристаллов, которые скупают Продавцы. По соглашению с Продавцами, у нас право отбора смыслов для Инсеков, остальное торговцы продают любителям горяченького.

Она замолчала. Потом вновь заговорила:

– Вот и все, если кратко. Мы находимся в центре большого обитаемого материка, на втором гарнизон был уничтожен, и его решили не восстанавливать. Забираем у Продавцов товар и отправляем Инсекам. Иногда происходят стычки. Лавли стараются убить нас, мы убиваем их.

– Позволишь выйти за периметр? – спросил Ана.

– Не в моей власти запрещать, – Сэм качнула головой. – Но мне жалко морфа. Он необычен, и лавли могут им заинтересоваться.

Мне показалось, что Ана на миг заколебался.

– Это будет небольшая вылазка. Морфу полезно увидеть этот народ.

– Как угодно, – сказала комендант. – Час назад к Продавцу на северо-востоке пошел патруль за товаром. Можете попробовать их нагнать. В любом случае, идти по следам будет безопаснее.

* * *

Природа тут была райская.

Мы вышли за частокол, у которого дежурили стражи и старшие стражи, все с оружием. Видимо, строить какие-то современные заграждения тоже означало «обострять без необходимости».

Что внутри ограды, что за ней лес был зеленым, тихим и удобным. Да, слово «удобный» напрашивалось: деревья не загораживали небо, но давали легкую тень, никаких колючих кустарников, даже кочек не наблюдалось, словно поверхность вначале выровняли бульдозером, потом в живописном беспорядке посадили деревья и настлали искусственный газон.

– Они что, переделали планету, прежде чем отказаться от технологий? – спросил я.

– Молодец, – похвалил Ана. – Именно так они и сделали. Здесь очень упрощенная, но при этом крайне устойчивая экология. Руслу рек стабильны, землетрясений нет, ураганы только над морями. Дожди идут в меру, снег как по расписанию. Самый минимум биологических видов, но все состоит в симбиозе. Новое дерево не вырастет, пока не упадет старое. Сухостой и опавшие листья быстро уничтожают насекомых и бактерии.

– Листья опадают? – зачем-то спросил я.

– О, тут очень красиво осенью... – Ана шел впереди, держа в руках универсальный карабин. – Красные, желтые, оранжевые листья на зеленой траве, а когда их еще припорошит снегом... Они старались.

– Как можно обладать такой силой и отказаться от развития?

– Тебе правда интересно? – поинтересовался Ана после паузы.

– Конечно.

– Мало кому из стражи интересно то, что выходит за рамки повседневных обязанностей, – сказал Ана. – Да, они были сильные. В масштабах своего мира. Тут есть руины, еще увидишь... А потом, вероятно, они узнали про то, что происходит в Галактике. Может быть, у них были космические полеты, может быть, к ним кто-то прилетел, может быть, какие-то дистанционные методы исследования космоса. Но они поняли, как все устроено. Вероятно, трезво рассчитали свои силы. Противостоять Прежним, Инсекам или кому-то из конкурентов лавли не могли. Жить веками и тысячелетиями в качестве колонии, поставляя смыслы более развитым видам, – не захотели. Некоторые цивилизации в такой ситуации уничтожают себя. Они придумали свой путь, стали максимально бесполезными и неуязвимыми.

– Но из них все-таки доят смыслы, – заметил я.

– О да! Не так много, как могли бы, но... Лавли не сумели до конца побороть свою любовь к эстетике. Музыка их чарует, они готовы отдавать за нее кристаллы. А может быть... – Ана горько рассмеялся. – Может быть, они не хотят потерять возможность нас убивать. Умеренно, время от времени, чтобы мы не ушли с планеты. Очень тонко чувствуют баланс интересов. Однажды перебили половину гарнизона, встал вопрос о полной эвакуации. Так нападения сразу прекратились, зато кристаллы потекли рекой...

Ана остановился у ручейка, нагнулся, жадно напился, сложив широкую ладонь ковшиком и быстро черпая воду. Предложил:

– Попробуй. Тут очень вкусная вода. И это совершенно безопасно, бактерий и паразитов нет. Честно говоря, эта вода даже лечит.

Я присел, попробовал. Вода была хрустально-прозрачная, мягкая, прохладная. Ручей – неглубокий, неожиданно быстрый, дно выстилали опавшие листья, сквозь которые проглядывал желтый песок. Очень фотогеничный ручей, хоть на картинку.

– И правда, вкусно, – сказал я. – Как в книжках про эльфийские леса.

– Да, их часто сравнивают с эльфами, – согласился Ана.

Мы двинулись дальше. Ана не пользовался компасом, на траве никаких следов тоже не было, но он то ли обладал превосходным чувством направления, то ли часто тут бывал.

– Идти примерно час, – сообщил он. – Патруль не догоним, но наши задержатся у Продавца.

– Продавцов не убивают? – спросил я.

– Один раз убили. Но это трудно, неинтересно, и у Продавцов свои методы наказания. Они продали лавли незаконченные музыкальные фрагменты и закрылись на несколько меся-

цев. Знаешь, как противно, если хорошая музыка обрывается посреди ноты? Говнюки с ума сходили, пока Продавцы не вернулись...

Он вдруг резко остановился.

Я тоже замер, положил руку на рипер.

– Жди, – сказал Ана.

Я ждал. От Аны буквально веяло напряжением, я даже ощутил легкий пряный запах пота.

– Никого... – прошептал я.

Ана не ответил и не тронулся с места. Секунда убегала за секундой, мы продолжали стоять.

Потом раздался тонкий мелодичный смех.

Из-за дерева метрах в десяти перед нами вышла девушка.

Я чуть не поперхнулся от неожиданности. Казалось, там и спрятаться-то негде...

Девушка была юная, милая и нагая. Взгляд отмечал какие-то неправильности, что-то несвойственное людям – отдельные черточки лица, вроде непривычного разреза глаз и формы ушей, очень тонкие пальцы и длинные кисти рук. Но в общем-то она выглядела как человек, как девчонка лет шестнадцати-семнадцати, светловолосая и белокожая.

Красавица? Да нет, наверное. Все эти мелочи во внешности все-таки выбивались из стандартов красоты.

Скорее обаятельная, притягательная, милая, грациозная. Уже не ребенок, но еще и не совсем взрослая.

– Что меня выдало? – поинтересовалась девушка. На чистом русском языке!

– Ничего, – ответил Ана.

– Хитрый! – Девушка погрозила ему пальцем. – Тебя я знаю, а кто это?

– Учетчик, – равнодушно сказал Ана. – К Продавцу с проверкой.

Девушка снова рассмеялась. Стояла, ничуть не стесняясь своей наготы, и изучала нас.

– Если я подойду, ты меня убьешь? – спросила она с любопытством.

– Разумеется, – ответил Ана. – И остальных тоже.

Девушка вздохнула, совершенно по-человечески пригорюнилась. Сказала:

– Так нечестно!

– Что поделать. – Ана так и не снял палец со спуска.

– Тогда пока, старший страж и учетчик, – сказала девушка. Повернулась и легким бегом скрылась между деревьями. Я заметил, что еще от нескольких стволов отделились светлые тени – и растворились в лесу.

– Это была засада? – спросил я.

– Нет. Засаду мы бы так легко не заметили. – Ана опустил карабин. – Милая, правда?

Он ухмыльнулся, даже с каким-то легким похотливым оттенком.

– Да уж, симпатичная девчонка, – признался я. – Они все такие... нудисты?

– Все. Поэтому рипер тут удобен, он сразу разрывает их на части.

– Она вроде не собиралась нападать, – осторожно заметил я.

– На Земле есть такие звери, медведи... – начал Ана.

– Это все знают, – усмехнулся я.

– Кого мелким взяли – не знают. Так вот, по медведю нельзя понять, когда он решит напасть. По лавли – тоже.

– Допустим, – согласился я. – А если поговорить?

– Может, и поговоришь, – кивнул Ана. – Или умрешь.

– Ана, ты же старший страж!

– Ну?

– Ты быстрый, сильный и с ядовитыми когтями! Ты медведя порвешь!

– Медведя порву, – согласился Ана без спора. – Одну лавли тоже. Группу – вряд ли.

– Да чушь, – не выдержал я. – У нее нет оружия.

– Она генетически преобразенная! – рявкнул Ана и постучал себя пальцем по лбу. – Так же, как и мы! Думаю, они столкнулись именно с Препными, не зря их внешность такая приятная для людей! И они не менее опасны, чем мы!

– То есть... – я помедлил, – они сделали себя малоинтересной добычей, которая может перемещать сознание из одной особи в другую и потому не боится умереть, разрушили свою цивилизацию, но этого было мало... Они еще изменили облик, стали привлекательными для людей и смертоносными в бою?

– Умнеешь на глазах, – фыркнул Ана. – Все, пошли, последний ушел.

– Слушай, а не паранойя ли это? – шагая за ним, спросил я. – Все эти извращения, чтобы уйти от оккупации? Нет, слушай, я все понимаю, но уж лучше, как на Земле, под Инсеками, чем так...

– Под Инсеками! – наставительно сказал Ана. – Препные практикуют иные методы. Я поморщился.

– Препные мерзкие, да. Но Земля все-таки развивалась под ними...

– Ну так то Земля, их родина! Если они с нашей планеты забирали миллионы детей, а Слугам позволяли любой беспредел, то сам знаешь, что они делали в других мирах...

Ана вдруг опять остановился и уставился на меня.

– Или не знаешь?

– Знаю, конечно, – очень неубедительно ответил я.

– Слушай, Макс, ты меня пугаешь, – Ана покачал головой. – Про Препных рассказывают каждой куколке. Гнездо дает эту информацию как базовую, чтобы объяснить долг и путь. Даже без матери, без хранителя, с неудачным Изменением – ты должен это знать!

Я молчал.

– Кто же ты такой, а? – На мгновение мне показалось, что страж сейчас направит карабин на меня. – Макс!

– Ана, не спрашивай, – попросил я. – Пожалуйста!

Что будет, если он бросится на меня?

Успею я увернуться от выстрела?

Выстою против него в схватке?

Да, на Земле я играючи раскидал две с лишним сотни Измененных. Но я вошел во второй Призыв, мне хватило времени на преобразование.

И противником был не везучий ветеран, прошедший шестнадцать планет и кучу десантов, а свеженькие стражи, никуда не отлучавшиеся с Земли и ни с кем по-настоящему не воевавшие.

– У меня странное чувство, – сказал Ана, – что если я на тебя нападу, то ты задашь мне трепку.

Я молчал.

– И, скорее всего, убьешь, – добавил он. – Но ты же понимаешь, Макс, у меня нет иного выхода. То, что ты ничего не знаешь, слишком подозрительно. Ты – Препный?

Меня даже передернуло, и, кажется, он это заметил.

– Я человек, – сказал я, решившись. – Ана, я человек. Меня зовут Максим, мне двадцать пять лет. Я первый раз попал в Гнездо месяц назад. Я не проходил Изменения!

Ана замотал головой:

– Чушь! Тебя приняла Школа, ты с ней разговариваешь. Ты морфируешь. Я даже сейчас вижу у тебя правое и левое сердца, и еще добавочное в брюшной полости.

Кажется, я слишком растерянно на него посмотрел.

– Макс, старшие стражи видят в инфракрасном спектре, – произнес Ана. – Ты и этого не знал? Сердца, печень, крупные артерии, добавочный орган над крестцом... почко-печень, как у коменданта? Макс, таких людей не бывает.

А я даже и не знал, что у меня появился «добавочный орган над крестцом»...

– Ана, я человек, – повторил я. – Я призванный.

Ана замотал головой.

– Я призванный после второго Призыва, – продолжил я. – Выхода не было. Я уговорил Гнездо, меня призвали дважды. Я изменился, но не из-за мутагенов. Я... очень странный тип. Человек и Измененный. Вот.

Я развел руки и бросил рипер на траву.

– Не буду я с тобой драться, – сказал я. – Ничего плохого я вам не хочу, я за вас дрался на Земле и на Селене, кровь проливал. И... и моя девушка – жница. У меня выхода не было, оказалось, что я продуцирую какие-то крутые смыслы, пришлось уйти с Земли! Хочешь – арестовывай, тащи назад на Саельм.

– Да твою же мать... – выдохнул Ана.

– Про маму не надо, – сказал я. – Она на Земле и переживает.

– Ты призванный дважды? – повторил он с каким-то неожиданным трепетом. – Не врешь?

– Побожиться? – спросил я с иронией.

– Рожденный человеком, призванный дважды, любящий жницу, проливший кровь за Измененных, порождающий смыслы... – медленно проговорил Ана.

– Слушай, если ты сейчас скажешь, что есть древнее пророчество на этот счет, то я начну орать матом! – выпалил я.

Ана шумно выдохнул.

– Нет. Не скажу.

– Вот и хорошо, – кивнул я.

– Как будет угодно рожденному человеком, призванному дважды, любящему жницу, пролившему кровь за Измененных, порождающему смыслы, – торжественно произнес Ана.

Я действительно выматерился.

К моей растерянности и облегчению, Ана ухмыльнулся и сказал:

– А ведь ты поверил, да? Скажи – поверил?

– У тебя была такая рожа... такая... восторженная. Блевануть хотелось...

– Поверил, – удовлетворенно сказал Ана. – Поверил-поверил.

Подошел ко мне и похлопал по плечу.

– Пророчества нет, Макс. Но теперь – будет. И ему поверят!

Он порывисто обнял меня, стиснул так, что на мгновение я решил – старший страж просто заговаривал мне зубы, прежде чем напасть. Но Ана уже ослабил хватку.

– Как же мне повезло, что ты пришел на полигон в мою смену, – сказал он. – Как же нам всем повезло!

Он отступил на шаг, посмотрел под ноги. И добавил:

– Кстати, лавли подарочек обронила. Поднял бы ты кристалл. Мы все-таки к Продавцу идем.

У меня под ногами и впрямь лежала ярко-красная круглая рэдка.

Скорее по привычке я нагнулся и подобрал ее.

Ана ошибался.

Первый раз в жизни я взял в руки рэдку, про которую точно знал – это я ее только что создал.

Глава шестая

Мы шли к Продавцу еще полчаса. Голозадые лавли больше не появлялись. Ана говорил не умолкая.

– Что нужно для восстания, Макс?

– Восставшие, – буркнул я.

– Логично. А еще?

– Оружие.

– Некоторые восставшие – сами по себе оружие. Да и нет с ним проблем. Что еще?

– Причина, – предположил я. – План. Цель.

– Уже лучше. – Ана по-прежнему внимательно наблюдал за лесом. Временами мы замедляли ход, дважды по его команде пробегали какие-то участки, ничем вроде как не отличающиеся от других. Но милые коварные аборигены на нас не нападали. Видимо, «учетчик Макс» их не заинтересовал. – Лучше сформулировать более классически – для восстания нужны непримиримые, антагонистические противоречия между низами и верхами.

– Ана, – я помедлил. – Тебе сколько лет было, когда ты изменился?

– Пятнадцать.

– Ну-ну...

Старший страж глянул на меня, ухмыльнулся.

– Я левак, Макс. Книги товарища Ленина еще подростком читал.

– И как, интересно?

– Полезно. В восстаниях он знал толк, уж ты-то как русский должен понимать. Так вот, для начала восстания нужны реальные противоречия между слоями общества. И я не про жителей подконтрольных планет.

– Ты про Инсеков и Измененных.

– Я про цивилизации, которые стремятся к возвышению, и их армии. В нашем случае – про Инсеков и Прежних с одной стороны, Измененных с другой. Всех Измененных, от бойцов Прежних и до стражей Инсеков.

– С чистильщиками не договоришься...

– Да. Но это уже совсем не люди, это живое оружие.

– Ты реально считаешь, что Измененные могут свергнуть две сверхцивилизации? – спросил я с иронией.

– Их мало, Макс. Каждый Инсек или Прежний сам по себе могучая боевая единица. Но они всегда были элитой. Есть низшие особи в их иерархии: Слуги у Прежних, рабочие у Инсеков. Им возвышение не светит, если Инсеки и Прежние уйдут – они попытаются занять их место, но справятся ли? Они тоже злы на всех.

Я кивнул. Я помнил Слуг и их яростный бестолковый мятеж.

– Хорошо, есть противоречия. Есть недовольные. Есть оружие. Мятежи бывали?

– Мятеж нам не нужен, мятеж – это неудачное восстание. Так вот, что еще нужно восстанию?

– Тебе все мало! – возмутился я. Лес начал редеть, Ана замедлил шаг, но не осторожничая, а словно стараясь растянуть путь. – Лозунги нужны, знамя какое-нибудь...

– Вот я же вижу, ты умный, – сказал Ана. – Почти попал! Восстанию нужны символы. Нужна святая и слепая уверенность в своей правоте и неизбежности победы.

– А, – сказал я, соображая. – Пророчество, значит?

– Конечно, рожденный человеком, призванный дважды, любящий жницу, проливший кровь за Измененных, порождающий смыслы! – оттабанил Ана.

– Прекрати!

– Это потребует времени, – заметил он. – Несколько лет, как минимум. Когда стражи приходят из Гнезд, они как чистый лист. Знают, что и как, горят желанием сражаться за Инсеков. Но потом они непременно сталкиваются с реальностью. У них возникают вопросы и сомнения. Если в лагерях они будут слышать легенду... что однажды придет человек, который...

– Молчи! – воскликнул я. – Еще раз услышу эту белиберду – получишь в рыло.

– Молчу, – согласился Ана. – Но Измененным нужна надежда. История про то, что есть тот, кто поведет их. Все исправит. Все изменит.

– И ты хочешь, чтобы это был я.

– Да. Истории все равно ходят. Про стратега, которая закончит войну и прикажет оставить Землю в покое. Про Высшего, который прекратит охоту за смыслами и велит каждому искать свои. Про Измененного небывалого профиля, способного сражаться с Препными и Инсеками. Про великую любовь, которая преодолагает все. Знаешь, как всем нам хочется любви? Материнской, дружеской, любимой женщины или мужчины?

– Знаю, – сказал я. – Но мне неприятно, что ты лепишь из меня какой-то символ, Ана.

– Может, это не я? – Ана развел руками. – Может, это судьба, может, это твой путь? Ты ведь и впрямь необычный. И ты попал в этот лагерь, мы встретились, и я узнал, кто ты. А ты сам знаешь, кто ты?

Я стоял в чужом лесу, солнечном и сказочном. В чудесном лесу, населенном жестокими дикарями с милыми лицами, когда-то выбравшими свое странное будущее. И страхолюдного вида старший страж, цепляющийся за свою мужскую сущность, втирал, что я должен стать символом и знаменем восстания против двух исполинских сил.

– Да ну тебя, – сказал я. – Болтай, что хочешь. Только на меня не указывай, ладно? Мы вернемся на Саельм, меня отправят к тэни, я стану за ними шпионить. Буду честно сражаться за Инсеков.

– Так и надо, – согласился Ана. – Это потребует много времени. Годы, может быть, десятилетия. Легенда должна пройти по всей Галактике. Ее должны рассказывать новичкам. О ней должны спорить ветераны. Она уйдет на другую сторону, бойцы и пантеры, стельщики и буги должны ее слышать – и спорить, что Тот, Кто Поведет за собой, придет и к ним. За эту историю должны ссылать в безнадежный десант; ее должны шептать, умирая; ее должны ночью рассказывать шепотом куколки в Гнездах. Должны прийти ложные избранные, должны вспыхнуть неудачные мятежи. А только потом...

– Замолчи! – выкрикнул я. – Хватит!

Ана замолчал. Примиряюще развел руки.

– Все. Все, молчу. Ты пойми, от тебя ничего не требуется. Только живи, не умирай. Хотя... хотя можешь и умереть. Это дело далекого будущего.

– Может, мне плевать на будущее?

– А на тех, кто ждет тебя дома, – тоже плевать? – Ана пожал плечами. – Двигай, мы почти на месте.

Дальше мы шли молча. Я тихонько злился, чувствуя, как бухает в груди – слева и справа. Того сердца, что у меня выросло в животе, я не ощущал – и хорошо. Без того тошно было.

Подпольщики, революционеры, ну надо же...

Символ им требуется...

Я вспомнил, как Препный стоял, улыбаясь; полковник Лихачев стрелял в него из пулемета, а тому было хоть бы хны. А потом в меня незримо вошел Высший – и я, пусть и со стороны, понимал – сущность во мне может убить Препного, разрушить Москву, утопить весь материк... или сорвать Землю с орбиты.

Вот это – сила! Силища!

Это то, чего боятся и Препные, и Инсеки.

А жестоких Слуг и воспитанных из детей Измененных они не боятся. Для них это даже не восстание рабов. Это вообще не заслуживает внимания. Промоют мозги, показательно накажут зачинщиков. Счастливчик Ана со своими идеями – тот еще наивный пацан.

Лес кончился одновременно быстро и незаметно. Деревья росли все реже и реже, становились ниже, впереди проступили холмы, что-то белое на склонах – и вот мы уже стоим на пригорке, глядя на живописную зеленую долину.

– Здесь был город... – прошептал я.

– Да. Не самый крупный, кстати, – сказал Ана.

Повсюду среди зелени виднелись руины. Нет, не безобразные остовы домов. Эти руины были восхитительно красивыми, из белого и красного камня, и будто нарисованными дизайнером.

Вот тянется белая стена с плавными проемами окон.

Вдали стоит башня, не круглая, а пяти- или шестиугольная, верхушка обрушилась и разлетелась горами красного камня, поросшими травой и цветами.

А вот ведущая вверх, в никуда, лестница, два широченных пролета над контурами рухнувших стен...

– Тысяча лет? – спросил я.

– Инсеки тут триста с лишним, – ответил Ана. – Говорят, ничего не изменилось. Думаю, тысячелетие назад все было точно так же.

Я попытался представить, как оно все выглядело до разрушения. Дворцы, башни, проспекты и парки? Нет, ну не мог целый город быть таким, наверняка где-то имелись и уродливые жилые строения, возведенные по стандартным планам, трущобы, вонючие темные закоулки...

Или мог?

– Это один из самых скучных и маленьких городов, – сказал Ана. Мне послышалась печаль в его голосе. – Но городов мы нашли не так уж и много. В основном они жили на уединенных виллах. Дорог не сохранилось, может быть, транспорт был воздушным... Но виллы они почти все разрушили в прах.

– Не хотели показывать чужакам, – произнес я.

– Наверное. Слишком личное, видимо. А это... это как укор. Как насмешка. Думаю, у них было много смыслов, которые Прежние бы с жадностью поглотили.

– Не верю, что они злые, – сказал я.

– Те, кто не верят, – очень быстро тут умирают. Видишь вон те руины, на холме? Круглые остатки стен, посередине белая плита...

Зрение у меня было не такое, как у стража, но куда лучше, чем у людей.

– Вижу. Только плита... она не совсем белая.

– Дождь пройдет, все смоем. Они приходят туда временами. Приводят детей.

– Каких детей?

– Своих. И маленьких, и постарше. Некоторых убивают на этой плите. Жестоко, с пытками. Некоторые уходят со взрослыми. Но это не значит, что их не приведут снова.

Меня замутило.

– Своих детей? Почему?

Ана помолчал. Потом неохотно ответил:

– Я говорил с одним монахом. Знаешь, наверное, монахи обожают поболтать. Он сказал, что лавли способны передавать сознание через свой аналог волновой сети. Если понимают, что их сейчас убьют, – просто цепенеют и падают замертво. Значит, ушли в иное тело. Они вроде как бессмертные получают, понимаешь?

– Ну и что?

– Их общество стабильно. Большая часть нынешней цивилизации – те же самые существа, что тысячу лет назад ее разрушили. Если численность будет расти, неминуемо начнется

экспансия, развитие, освоение новых территорий, попытки возродить технологии – то, от чего они когда-то ушли. Но им надо размножаться, им нужны новые тела, в которые они со временем перейдут, нужен резерв на случай массовой гибели. Поэтому есть дети, есть молодые особи. Если их становится слишком много – их убивают.

– Но почему жестоко-то? – Я не сразу понял, что кричу. – Зачем пытаться?

– Думаю, они давно уже рехнулись, – сказал Ана. – За тысячу лет у любого поедет крыша.

– И вы не пробовали им помешать?

– Пробовали, они набросились на нас. Все, включая тех, кого стащили с плиты полуживым.

Ана сплюнул и добавил:

– Психи. Красивые умные психи. Знают кучу земных языков, восхищаются музыкой. Сами, кстати, чудесно поют и играют, у них инструменты вроде свирелей. И в любой момент готовы кого-нибудь прикончить... Нам туда, Макс. К маленькому зданию, которое почти целое, только без крыши. Там Продавец.

Когда он показал, я увидел и здание. Высокие стены, хорошо сохранившиеся с трех сторон. Четвертая отсутствовала. Может, ее и не было никогда.

Внутри стояли стражи и закутанная в одеяния крупная неуклюжая фигура.

* * *

Здесь не было привычных мне Комков, бесформенных помещений, упавших на Землю с неба. Видимо, даже Продавцы старались «не обострять». Стекланный куб синтезатора, в котором Продавцы могли создать любой предмет, стоял совершенно открыто, в углу между двух хорошо сохранившихся стен. Рядом кушетка, несколько ящиков – что в них, кристаллы? Был и прилавок, но тоже символический, не перегораживающий руины полностью.

А еще я заметил что-то вроде тускло светящейся полосы, опоясывающей здание в паре метров от стен. Светились камни и трава.

– Что это? – шепотом спросил я Ану, когда мы подошли.

– Периметр безопасности Продавца. В его пределах любое нападение карается смертью. Лавли долго экспериментировали и убедились в этом.

– Ты говорил, одного все-таки убили...

– О да, это отдельная история... С тех пор Продавцы не ставят свои точки возле склонов, с которых может сойти гигантский оползень.

Стражи, сидевшие на земле, при нашем приближении встали. Две стражи, одна старшая стража – немалая сила, учитывая, что они были экипированы так же основательно, как Ана. Оружие висело у них на поясах, за спиной, на груди. Старшая стража держала в руке рипер. Видимо, он и впрямь был здесь популярным оружием.

– Привет, девочки! – крикнул Ана.

– Здравствуй, Счастливчик, – сдержанно ответила старшая стража. – С кем ты?

– Макс, мой подопечный.

– Интересный профиль, – старшая стража вышла навстречу, но при этом остановилась у периметра безопасности.

– Учетчик, – небрежно сказал Ана. – Обычная тренировочная миссия. Пусть посмотрит, как мы служим.

Старшая стража протянула руку и коснулась меня. Пальцы ее были жесткими и горячими. Я подумал, что в длинных фалангах скрывается коготь с нейротоксином. Миг – и он выстрелит наружу, впрыскивая яд, разлагающий нейроны.

– Учетчик? – спросила старшая стража.

– Да, да! Учетчик! – с напором сказал Ана.

– Пусть так... – произнесла старшая стража. – Я могу потрогать твоё лицо, Макс?

Она была самая обычная старшая стража. Таких почти не отличишь друг от друга. Но... почему-то я понял, что она девушка. Нет, девочка. Лет одиннадцати при Изменении, и ещё два года как после...

– Конечно, – сказал я.

Старшая стража коснулась моей щеки. Помолчала, глядя в глаза. Сказала:

– У меня на Земле старший брат. Он человек. Похож на тебя.

– У меня на Земле родители, – ответил я. – И... девушка.

Старшая стража кивнула, осторожно убрала руку.

– Ты не похож на учетчика... но пусть.

Я осторожно прошел за периметр. Стражи разговор не заводили. Все-таки какая-то негласная субординация у них была.

– Мы пойдем на базу через десять земных минут, – сказала старшая стража, подходя к Ане. – Советую возвращаться с нами. Твой... учетчик... немного странно выглядит и ведет себя. Это может заинтересовать лавли.

– Хорошо, – согласился Ана. – Мы встретили пятерых по пути сюда.

– Столкновение?

– Нет. Разошлись после разговора.

– Возвращаемся вместе, – твердо сказала старшая стража, и Ана даже не попробовал спорить.

Я осторожно отошел от них, посмотрел на Продавца.

Что ж, вполне обычный Продавец. Много свободных одежд, едва видимое сквозь надвинутый капюшон лицо. Я приблизился к прилавку.

– Все кристаллы уже переданы, – сказал Продавец дружелюбно. – Вас зовут Макс, я слышал. Вы чего-то хотите? Воду и легкие закуски я даю Измененным бесплатно, исходя из принципов гостеприимства.

Похоже, если связь между Продавцами и была, то в пределах одной планеты. Меня он не узнавал.

– Я выпью воды, – сказал я. – Спасибо.

Честно говоря, мне хотелось посмотреть, как возникают предметы в стеклянном кубе.

Но Продавец меня разочаровал. Он открыл один из контейнеров и достал оттуда стеклянный стакан, полный воды.

– Угощайтесь.

Вода была прохладная, чистая, но, если честно – совсем не такая вкусная, как из лесного ручья.

– Как вам на этой планете? – спросил я, медленно отпивая из стакана.

Во взгляде Продавца появилось любопытство. Он повернулся ко мне, приподнял верх капюшона.

– Черт! – выкрикнул я, расплескивая воду.

У него было юное, нежное лицо с той легкой неправильностью, что свойственна лавли. Я бы сказал, что это лицо юноши лет шестнадцати.

– Что случилось? – спросил Продавец участливо. – У вас водобоязнь? Это может быть признаком бешенства.

– Ты сам знаешь, что случилось! – выкрикнул я. За моей спиной зашевелились стражи. – У тебя башка лавли!

– Ну да, мы же на их планете, – рассудительно ответил Продавец. – Надо соответствовать тем, с кем работаешь.

Я не знал, в курсе ли Измененные, какова природа Продавцов. Но мне было плевать.

– Это голова юноши!

– О да! – кивнул Продавец. – Очень печальны обычаи этого мира. Большинство молодых погибают от рук соплеменников, разум других замещается сознанием старших особей. Очень, очень редко, когда кто-то гибнет быстро и безвозвратно, и в их общество приходят новые особи. К этому мальчику судьба была, по обыкновению, жестока. Он умирал в муках... но муки кончились. Он жив и видит сон. Хуже ли это, чем исчезнуть насовсем? Ответ?

Я попытался что-то сказать... и не нашел слов.

– Все в порядке? – спросил Ана.

– Да, да, – ответил Продавец. – Ваш товарищ немного расстроен, но все хорошо.

– Ничего хорошего, – пробормотал я.

– Это был свободный выбор, – сказал Продавец. – Кто ты, странный Измененный?

Хреновый из меня разведчик выйдет.

Легенда рушится на раз, и виноват я сам. Я веду себя как человек, вот в чем дело.

– Я покупатель, – сказал я. – Держите.

И выложил перед ним красную рэдку.

Продавец, как я и ожидал, заинтересовался ей куда больше, чем моими странностями. Поднес к глазам, обнюхал, потом, поколебавшись, лизнул. У него вдруг задрожали глаза, зрачки запульсировали, потом сжались в точку.

Ничего себе. Да он конченный торчок! Наркоманит в открытую!

– Это не лавли, – сказал Продавец, вздрогнув. – Человеческая и свежая. Откуда здесь люди?

Ну я и молодец! Хорошо соскочил с опасной темы.

– А тебе не все равно? – спросил я. – Надоели, небось, местные? Я только-только с Земли. Могу время от времени подгонять свежак.

Это было удачным ходом. Похоже, Продавцу и впрямь надоело потреблять эмоции местных красавчиков.

– Договорились, – сказал он быстро. – Что интересует, Макс?

Да уж, а что меня интересует...

– Не так быстро! – подошла старшая стража. – Внеси в список.

– Эта рэдка не входит в соглашение, – ответил Продавец. – Она не местная. Ваш друг протащил ее с Земли.

Старшая стража заколебалась. Возразила:

– Право выбора смыслов у Инсеков.

– О, это не очень великий смысл, – небрежно сказал Продавец, демонстрируя кристалл. – Яркий, чистый, но простой и не великий. Таких я сдал больше сотни.

– Зачем она тебе?

– Затем, что с Земли, – ответил Продавец.

Старшая стража пожала плечами:

– Торгуй быстрее, Макс. Пора двигаться.

– Ты можешь передать письмо на Землю? – спросил я.

Продавец растерялся.

– Письмо?

– Да. Письмо. Бумажное письмо в конверте, с маркой. Чтобы его бросили в почтовый ящик на Земле, в стране России, в городе Москве.

– Ха, – сказал Продавец. – Ну... может быть, все-таки что-то материальное?

– Да, листок бумаги, пишущая авторучка и целый конверт с негашеной маркой – это материальная часть сделки. А нематериальная – чтобы письмо не позднее, чем через одни земные сутки было опущено без всяких повреждений и изменений, как на конверте, так и в тексте, в действующий почтовый ящик в городе Москве, в стране России на планете Земля.

– Парень, – сказал Продавец после короткой паузы. – Я не знаю, с кем ты там на Земле торговал. Но тебя хорошо выдрессировали.

Он повернулся и торжественно пошел к ящику.

– Время! – сказала старшая стража напряженно.

– Пять минут, – ответил я быстро. – Всего пять минут!

...Увидеть, как именно возникают предметы в стеклянной камере, мне все-таки не удалось. Она потемнела, стекло стало непроницаемо-черным. А когда вновь обрело прозрачность, внутри лежал помятый конверт с маркой «Двести пятьдесят лет городу Сыктывкару», самая дешевая авторучка, какую я только видел в жизни, и листок бумаги.

Кончик ручки был погрызленным. Листок бумаги – туалетным. И это была самая дешевая туалетная бумага, которую только можно найти – в ней целые щепки попадались!

Но я слишком хорошо знал Продавцов, чтобы начать ругаться.

– Это здорово, что бумага такая плохая и жесткая, – сказал я. – Была бы мягкая, нежная, ручка бы ее рвала в клочья. А так – нормально по ней пишется! И что маленький листок, тоже хорошо. У меня и времени немного.

– Bravo, – сказал Продавец, помолчав. – Ты меня уделал. Письмо будет доставлено честно.

Глава седьмая

Напали на нас, едва мы вошли в лес.

Может быть, лавли хорошо все продумали и рассчитали время нападения, исходя из удачных и неудачных засад, ожиданий стражи, времени суток и степени нашей собранности.

А может быть, им просто не терпелось повеселиться.

Лес был негустой, прозрачный. Не представляю, как можно спрятаться в таком лесу, но им удалось.

Скорее всего потому, что большая часть лавли была детьми и подростками.

Они сыпались с деревьев, выпрыгивали из-за стволов, вылетали из-под земли, разбрызгивая комья дерна. Сплошной поток нагих тел, словно в фильмах про зомби. Только не таких неповоротливых, они превосходили по скорости даже стражу.

Но стража все-таки ждала атаки.

Риперы в руках Аны и старшей стражи заработали, перемалывая голые тела в кровавый фарш. Стражи стреляли из универсальных карабинов, и лавли застывали, обращались в песок, проливались мутной серо-красной жидкостью и сгорали в неярких вспышках синего пламени. В обоймы явно зарядили разные типы метатронов.

На меня выпрыгнул совсем мелкий лавли. Светловолосый, кудрявый, будто с полотен средневековых художников, изображавших ангелочков.

Я разрядил в него рипер, не колеблясь ни секунды.

Ангелочек превратился в кровавое месиво.

Людам бы тут не светило никаких шансов, люди безнадежно отставали в скорости. Стражи, вставшие друг к другу спинами, отбивались куда более успешно.

Я выстрелил еще в двух юных лавли – в одного попал, его разорвало на клочки, другой немисливо выгнулся и уклонился.

А потом нахлынула основная толпа, и началось месилово.

Стражи будто распрямились, стали выше, тоньше и гибче. Ана небрежно полоснул рукой с выдвинутыми когтями подскочившую девушку. Та рухнула и забилась в судорогах. Но я заметил, что касание лишило Ану всех когтей, их вырвало из пальцев, и они завязли в теле лавли, будто в смоле.

Второй Призыв во мне уже разворачивался в полную силу. Мир замедлялся, движения лавли и стражи казались не такими стремительными. Я тоже тянулся вверх, а по телу волнами шла боль. Следующего врага я поймал в прыжке за вытянутые ко мне руки.

И – рванул в стороны с такой силой, что вырвал ему руки из плечевых суставов. Лицо юноши исказилось и мгновенно застыло, он упал к моим ногам уже мертвым. Болевой шок?

Какое там... я был уверен, что он ушел! Горячая тяжесть прокатилась внутри, я почти физически ощутил перенос сознания через «волновые структуры». Ощутил – и потянулся, непроизвольно пытаюсь зацепиться, задержать, спросить или обругать.

«Кто?»

Вопрос докатился издали и одновременно – отовсюду. Из-под земли, от деревьев...

Все вокруг – их Гнездо!

Лес, кусты, травы – вспомогательная физическая часть их Гнезда. Как паутина, которой обрастают Гнезда на Земле!

«Кто ты?»

Я ощутил, как атакующие лавли перестраиваются, как смещаются направления и точки атаки. Аборигены передумали нас уничтожать, как планировали (теперь я знал) вначале.

Но и отпустить, конечно же, не собирались.

Выстрелив в еще одну девицу, нацелившуюся в мое лицо, я разорвал ее на части. Кровь и ошметки плоти брызнули мне в глаза.

А вот мелкого лавли, прыгнувшего со спины, я вовремя убить не успел. Я достал его рукой, мои пальцы пробили ему грудь, сжали и раздавили сердце. Но это не убило его мгновенно. Он успел шлепнуть меня по виску ладошкой.

Несильно.

Физически я касание почти не ощутил.

Но вслед за касанием на меня обрушилась вся громада леса. Вся мощь их планетарного Гнезда.

И мир померк.

* * *

Музыка.

Вначале я услышал мелодию.

Странную – гармония была чужеродной, выворачивающей, заставляющей морщиться. Но прошла секунда, другая, и я оценил мотив. Он был чужой, но не чуждый.

Печальная и красивая музыка. Ее хотелось слушать и ни о чем не думать.

Но я открыл глаза.

Я вновь оказался на пригорке, с которого мы совсем недавно смотрели на руины.

Вот только город был цел и невредим.

За моей спиной солнце опускалось за деревья, белые стены и башни города отливали розовым в его лучах. Окна в домах радужно сияли, будто граненый хрусталь. Музыка неслась в воздухе – тихая, чужая и печальная.

Над городом скользили летательные аппараты – с радужными трепещущими крыльями, похожие на исполинских стрекоз. Разве могут машущие крылья удерживать в воздухе пассажирские машины?

А дальше, за городом, солнце вставало! Вопреки разуму (я даже обернулся), оно одновременно садилось за лесом и вставало за городом!

И в ярком утреннем сиянии, борющемся с закатом, опускался с небес космический корабль.

Почему-то у меня и мысли не возникло, что это звездолет Инсеков или Прежних. В нем ощущалось родство с легкими ажурными аппаратами в воздухе. Нет, конечно, никаких радужных крыльев не было, но изгибы и переплетения форм, тянущиеся вверх, подобно ветвям деревьев, тонкие красные пилоны с белыми шарами (двигатели? кабины?) – все это было плотью от плоти города и леса.

Это был корабль обитателей Шогара – до того, как они уничтожили цивилизацию и стали бегать по лесам без штанов, убивая пришельцев и собственных детей.

– Ты видишь сшивку. Город был красивее на закате, я любила приходить сюда и смотреть, как он сияет в сумраке. А корабль сел ранним утром. Я решила, что ты должен увидеть и то, и другое.

Девушка стояла рядом со мной и смотрела на город. Только что ее не было, и вот – появилась.

Ничего необычного, конечно. Я же не идиот. Я понимаю, что я в их Гнезде. В виртуальном волновом пространстве, куда меня втащили.

Я сразу ее узнал. Та самая, что встретила нас на пути к Продавцу.

Только сейчас она была взрослее. Пожалуй, даже постарше меня. И меньше походила на человека – иначе посажены глаза, у кожи странный красноватый оттенок, уши практически без мочек.

Чужая. Не человек.

Но все же красивая.

И совершенно точно – та самая.

Она была босиком, но одета – в легкое белое платье чуть выше колен.

– Любите белый цвет? – спросил я.

Девушка посмотрела на меня.

– Наши глаза видят иначе. Для меня город разноцветный.

– Ясно, – сказал я, помедлив. – Красивый?

– Да. А тебе как?

– Красивый. Для меня в нем два цвета – белый и красный. Но это тоже красиво.

– Мне приятно это слышать.

– Зачем мы здесь?

Девушка кивнула.

– Я так и знала, что ты не удивишься. Я хотела показать тебе корабль, который принес закат нашему миру.

– Как он называется?

– Корабль. Он у нас был всего один. В нашей системе единственная планета, на которую можно ступить, – наша собственная, мы долго не развивали космонавтику. Это было ошибкой, но мы поняли слишком поздно... Корабль проверял физический принцип, позволяющий перемещаться между звездами. Это даже не совсем корабль, это подвижная научная лаборатория.

Я кивнул, глядя, как научная лаборатория мягко опустилась на поле за городом. Ни пламени, ни грохота – огромная птица вернулась в свое гнездо...

– Он нашел мир, который вы захватили.

– Мы?

– Люди. Мы не поверили тому, что увидели. Мы не смогли это принять. Лаборатория совершила еще несколько прыжков, хотя этого не было в первоначальных планах. Мы увидели другие миры. Мы поняли, как все устроено. Но знания убили нас – лабораторию проследили до нашей планеты. Мы поняли, что нас ждет.

– Это не мы, – сказал я. – Это те, кто правят нашим миром. Мы зовем их Препными, но они правили и нами. А сейчас нами правят Инсеки...

– Я знаю, – ответила девушка. – Молчи. Сейчас ты увидишь симуляцию.

Музыка ускорила, стала тревожной. Небо потемнело. В нем вспыхивали прорехи серого света, из них, окутанные рядами энергии, вываливались дисковидные корабли. Раскрывались, будто переламывались поперек – и вниз сыпались крошечные точки, над самой землей тормозя, опускаясь на улицы города...

И город запылал.

Я видел, как рушатся стены и башни, как мечутся по улицам обитатели Шогара.

И как преследуют их боевые биоформы Препных.

Там даже не было бойцов, лучевое оружие посчитали излишним.

То там, то здесь возникали из пустоты уничтожители – чтобы схватить и разорвать кого-нибудь на части. Волнами носились чистильщики, пожирая горожан одного за другим. Громоподобные танки теснили жителей к площадям. Стремительно кружили танкеры – и там, где они пробегали, белые улицы становились красными.

Потом я увидел гигантскую тень собравшегося воедино маракса – и отвернулся.

– Они бы не убили всех, конечно, – мягким голосом сказала девушка. – Захват планеты, подобной нашей, начинается с подавления ключевой оборонной инфраструктуры... впрочем, ее практически не было. И с уничтожения пяти-семи процентов населения. Это у вас считается оптимальной нормой.

– Не у нас!

– У Прежних, Инсеков и большинства других видов, стремящихся к сингулярности. Наша планета относилась к редкому типу технологически развитых, но изолированных в границах звездной системы. Вкусная добыча.

Я молчал.

– Если бы у нас было время... хотя бы полгода. Мы смогли бы создать оборону, которая сделала бы захват планеты невыгодным. Или капсулировать нашу систему... это временный выход, поскольку грозит нестабильностью звезды. Но мы получили бы паузу для размышлений и решений.

– Времени не было? – спросил я.

– Нет. Меньше месяца. Наши смыслы стали бы кормом для вас...

– Для Прежних!

– Возможно, к этому дню они смогли бы возвыситься, – сказала девушка, не реагируя на мое возражение.

Город заколебался в воздухе, будто мираж. Исчез десант Прежних. Исчезли тела с улиц.

Я увидел, как люди один за другим уходят из города. Сбрасывают по пути одежды – и растворяются среди деревьев.

– Нагота считалась у нас постыдной, – сказала девушка. – Нагота, жестокость и непредсказуемость – те качества, которые более свойственны животным. Мы любили природу и берегли ее, мы любили животных, мы не употребляли в пищу их плоть и не убивали. Но мы стали чем-то большим и гордились этим. Мы вышли из природы и готовились идти к звездам...

Город стал рушиться. Беззвучно падали стены, проваливались крыши, осыпались башни. Стая птиц, взлетевшая над лесом, вдруг вспыхнула – и исчезла. Музыка стала еще печальнее и тише.

– Когда мы поняли, что с нами сделают, – мы изменились. Мы совершили непредсказуемое. Уничтожили большую часть животного мира, перекроили биосферу, сбросили одежду и стали убивать друг друга и чужаков. На это месяца хватило.

– Вы лишили нападавших своих смыслов.

– Да. Их и себя. Иначе было невозможно.

Девушка протянула руку и сжала мою ладонь. Спросила:

– Ты знаешь, что ты изменился?

Я осмотрел себя. Комбинезон, плащ... даже рипер на поясе.

– Не здесь. В реальности. Ты стал куда больше... и страшнее. Только очень худой. Ты пытаешься есть траву и землю.

– Это изменение второго Призыва, – сказал я озабоченно. – Мое тело переходит в крайне эффективную боевую форму... но ему нужна органика для перестройки.

– Понимаю. Мы никогда не встречали такого Измененного. Стражи и коменданты не способны контактировать с Миром.

– Вы так это зовете? Свою глобальную волновую сеть? Красиво.

Девушка пожала плечами.

– Да. Здесь мы можем быть собой. Вспоминать прошлое и себя, какими мы были. Не смотреть наружу, туда, где мы другие. Потом становится тяжело, но отказаться так трудно... Сейчас тебе придется вернуться. Я не смогу оставить твой разум в Мире, он только наш.

– Ясно, – сказал я. – Кстати, вам необязательно было менять свой облик. Вы и так красивы... с человеческой точки зрения.

– Спасибо, – девушка улыбнулась. – Такой милый комплимент тысячетлетней старухе, мальчик... Ты ведь хочешь задать вопросы?

– Да я почти все узнал и понял, – ответил я. – Разве что один.

– А я только на один и отвечу, время уходит. Хочешь спросить, почему мы убиваем своих детей?

– Нет, – сказал я. – Неинтересно. Взрослые всегда стараются убить своих детей, так или иначе. А дети – взрослых. Это вроде закона природы, только обычно не так явно и кроваво. Вы свели себя с ума, чтобы не стать добычей, а мне неинтересна логика больного разума.

Во взгляде лавли (хотя мне не хотелось ее так называть) появилась искорка интереса.

– Тогда что ты спросишь? Какие смыслы мы утаили от вас тысячу лет назад? Какие скармливаем теперь?

Я покачал головой. Музыка угасала, близилась к финалу. Я помнил, что они очень не любили оборванные мелодии. Значит – успею.

– Хм, – она рассмеялась. Приложила палец к губам, очень человеческим жестом изображая раздумье. – Тогда... как вернуть нас в норму? Как заполучить в союзники? Как уцелеть и спасти товарищей?

– Нет, – ответил я. – У меня один вопрос. Ты простишь меня за то, что я сейчас с тобой сделаю?

Девушка рассмеялась.

– А ты сможешь?

– Да, – сказал я, выбрасывая руку вперед.

Она стала растворяться в воздухе. Но слишком медленно для того, чтобы я не нашел ее след – разум, одновременно распределенный в пространстве и сконцентрированный в материальной точке.

Я рванулся за ним.

И очутился лежащим на пригорке над руинами. Руки и ноги были чем-то стянуты. Плащ комком сбился под спиной.

Последняя нота затихала в воздухе, сидящая рядом со мной юная девушка отняла деревянную свирель от губ. Лицо ее было прекрасно и безумно, в глазах не светилось никаких смыслов, кроме смерти и крови.

Я разжал губы, выталкивая землю и траву, которые грыз в беспамятстве, и плюнул девушке в лицо слюной из добавочных желез.

Коллоидная кислота пробила лобную кость и вспухла облаком пены, мгновенно выжигая лавли мозг.

Скорее всего, она не успела уйти в Мир. В стабильном коллективе лавли образовалась новая свободная ниша.

Я привстал, разрывая гибкие лианы, которыми были связаны руки и ноги.

Вокруг меня сидели кружком с десяток лавли – все юные, красивые и безнадежно медленные для Защитника, созданного вторым Призывом. Их лица менялись, от удивления и восторга – им нравилась сопротивляющаяся добыча, – к растерянности и ужасу, по мере того как я выбивал им сердца и отрывал головы.

Живот ныл, организм вопил, требуя пищи, – волновая печать произвела Изменение, но боевые органы пришлось создавать из моих же человеческих.

У меня не было другого выхода, и я постарался не думать о том, что делаю.

Через тридцать секунд я выпрямился, чувствуя, как организм восстанавливает поврежденные ткани. Над пригорком звенели свирели, я чувствовал, как затихают четыре мелодии... вот одна из них смолкла и раздался звенящий смех.

Только бы не Ана!

У меня не было времени разбираться, я видел четыре группы лавли, над одной из которых зависли в воздухе клочья комбинезона стражи и кровавые фрагменты ее тела.

Поэтому я побежал к ближайшей группе, чей пленник еще жил.

Они и так-то были быстрыми, а когда поняли, что происходит, смогли ускориться еще больше. Но все-таки недостаточно. Мир связал их в единую сеть, но, кажется, их Мир тоже растерялся и не знал, что делать.

А с оторванными головами лавли жить не умели.

К последней группе я шел уже медленнее, старшая стража, которую я освободил первой, даже успела встать и срывала с рук путы.

Лавли попытались убежать.

Я не позволил.

Последнего я остановил, дернул к себе и снизил скорость восприятия мира до доступной ему. Это был длинноволосый тонколицый юноша, по которому на Земле девчонки сохли бы толпами. В облике Защитника я нависал над ним, как оживший кошмар.

– Я хочу, чтобы ты понял, – сказал я. – Понял и запомнил.

Кажется, он очень удивился тому, что останется жив.

В их сумасшествии оставалось очень много здравого рассудка.

– Теряя смыслы – теряешь себя, – сказал я. – На самом деле я еще не до конца с ними разобрался. Но разберусь. Вы хотели спрятать то, что было вам дорого, и отравить врага тем, что вам отвратительно. Но вы отравили только себя.

Я взял его ладонь и медленно, один за другим, сломал пальцы.

Он даже не закричал. Просто смотрел на меня, остолбенев.

– Я знаю один смысл, – сказал я. – Он прост. Никогда нельзя убивать свои смыслы.

Только в этом обличье я смог увидеть, как рождается кристалл. Прямо перед моими глазами, в фокусе взгляда, будто сотканный из воздуха невидимым принтером.

Я подставил свободную руку и поймал его.

Кристалл был красно-синий, тонкий и острый, как игла.

Я вложил его лавли в искаленную кисть, сжал ладонь, потом развернул – и дал хорошего пинка по голому заду.

Лавли бежал до самых руин, споткнувшись и упав только один раз.

Повернувшись, я увидел Ану, старшую стражу и единственную уцелевшую стражу. Они были избиты, окровавлены, но живы.

Измененные очень прочные.

Они смотрели на меня. Они были в моем темпе, значит, видели и слышали финал побоища.

Первой прижала руку к левому, человеческому сердцу старшая стража. Склонила голову и встала на одно колено.

За ней Ана и стража.

– Не надо, – сказал я. – Я этого... всего... вовсе не хотел.

Тело подергивалось, медленно сбрасывая облик Защитника. Сквозь кожу стала сочиться клеточная жидкость, комбинезон намок в попытках отвести ее.

– Никто из нас не хотел, Порождающий Смыслы, – ответил Ана.

Серьезно сказал. Без паясничанья.

Глава восьмая

Бюрократ ждал нас в куполе, в помещении, откуда экран вел на Шогар. Сюда притащили его кресло и стол, за которым он в ожидании нас работал. Когда я первым шагнул сквозь экран, он подпрыгнул, будто пружиной подброшенный.

– Наконец-то!

Вышедший следом Ана замер. Недоуменно сказал:

– Мы на восемь часов раньше срока.

– Не важно, не важно! – Учетчик уже подскочил к нам и теперь отряхивал меня, будто желая удостовериться, что я настоящий.

От него сильно пахло сыром, луком и чесноком. Чипсы, что ли, снова лопал?

– Знаешь, как мне влетело? Высшая срочность, его ждут!

Мы с Аной переглянулись.

Когда мы возвращались за ограду гарнизона, Ана поговорил с уцелевшими стражами, и те не стали рассказывать детали случившегося. Просто столкновение с лави и гибель одной из стражей... событие печальное, но обычное для этого мира. Я думаю, они сказали бы все, что я попросил, – так их потрясло увиденное.

Мы отдохнули и перекусили. Меня мутило, но я заставил себя поесть и даже подремал – хотя телу Измененного требовалось гораздо меньше времени для сна.

Если Ана и хотел устроить мне несколько вылазок наружу, то побоище заставило его изменить планы. Мы вернулись на Саельм в полной уверенности, что времени у нас еще много.

Но судя по суете Валя – ему и впрямь влетело.

– Никогда такого не было, – проворчал Ана.

Бюрократ на миг застыл, глядя на него. Потом укоризненно сказал:

– Со мной связывался локальный тактик! Понимаешь?

Кажется, Ана растерялся.

– Максу все равно надо готовиться к миссии...

– Не наше дело, – отрезал Валь. – Тактик!

Тон был такой, словно с ним лично Господь поговорил.

– Как прошла тренировка? – прекратив, наконец, суетиться, спросил бюрократ. Снял у меня с пояса рипер, положил на свой стол. Мне показалось, что оружие он взял в руки с некоторой брезгливостью.

Бывают ли Измененные-пацифисты?

А почему бы нет. Им тоже найдется работа.

– Не тренировка, настоящий бой. Большой и кровавый, – Ана заколебался, но врать не стал. – Макс проявил себя достойно. Он почти всех спас.

– Почти?

– Погибла стража.

– Долг, – учетчик кивнул. – Макс справился, вот и хорошо. На этом наша функция исчерпана. Макс, отправляйся. Прямо сейчас.

Я посмотрел на экран. Потом на Валя. Тот кивнул, радостно улыбаясь.

– Так нельзя, – сказал Ана с недоумением. – Так не бывает!

– Хочешь поспорить с тактиком? – восхитился Валь.

Несколько секунд учетчик и старший страж смотрели друг на друга. Мне показалось, что Валь торжествует. Неудивительно, ведь Ана явно ставил своей целью выводить окружающих из себя.

– Уточни у Школы, – попросил меня Ана.

Я понял, что он сдался.

Прикрыл глаза.

Голос Школы звучал куда тише и слабее голоса Гнезда на Земле. Может быть, это нормально, а может быть, Школа просто старалась не говорить со мной лишний раз, я ее пугал.

Но сейчас она отозвалась сразу, резко и ясно.

Да, мне требовалось пройти через экран и отправиться в мир Трисгард.

Да, это приказ тактика, а выше него в иерархии Измененных на Саельме никого нет. Дальше сами Инсеки.

Да, Школа желает мне достойной службы и гордится мной.

Бла-бла-бла... не словами, а символами, ощущениями, эмоциями.

На миг мне захотелось пробить этот барьер. Оказаться в виртуальном пространстве Школы. Увидеть тех, кто составляет его разум. Объясниться по-нормальному.

Как с Гнездом на Земле.

Как с Миром на Шогаре.

Но я не был уверен, что это правильное решение.

– Хорошо, – сказал я. – Спасибо за подготовку, Ана. Спасибо, что помог определить профиль, Валь.

Учетчик даже растрогался.

– Удачи в работе, Макс. Я горжусь, что помог тебе найти себя.

Он протянул руку, неуверенно похлопал меня по плечу.

– Не забывай мои... уроки, – сказал Ана. – Ты можешь за себя постоять, но... будь осторожен. Ты... очень важен для нас. Нас всех.

Старший страж говорил, очень аккуратно подбирая слова, но я понимал недосказанное.

«Не умри! Ты символ восстания, которое я хочу поднять. Ты должен жить, чтобы стать легендой!»

Я ни секунды не верил в его планы. Но Ана стал мне почти другом, и я кивнул.

– Постараюсь. Слушай, хотел задать вопрос...

– Время, время! – сказал Валь нетерпеливо.

– Ты рассказывал, что однажды на Сунерде у тебя был случай... – Я запнулся. Стоит ли говорить при Вале об убийстве Прежнего... – Как ты справился?

– Время! – Учетчик совсем уж занервничал. Даже начал толкать меня к экрану.

– Нашел корень, – быстро ответил Ана. – Всегда есть корень, понимаешь?

– Ты смерти моей хочешь? – завопил учетчик. – Немедленно! В экран!

Ана едва заметно развел руками.

Я кивнул. Выхода не было, учетчик уже паниковал. Видимо, приказы тактика выполняются без промедления.

– Счастливо оставаться, – сказал я и пошел к экрану. Серое зеркало слабо светилось, пахло озоном.

Кажется, кроме Аны, никто по мне скучать не станет.

Да и ему, похоже, я больше нужен как символ, чем как друг.

Как-то быстро я закончил школу...

* * *

Экраны у Инсеков различались лишь формой и размером.

А вот размещались они в совершенно разных местах.

Этот висел в полуметре над полом – я кувыркнулся и упал, успев подставить руки лишь из-за нечеловеческой реакции. К счастью, под экраном были настелены упругие жесткие маты, вроде спортивных.

Да кто ж так делает? Можно и убиться ненароком...

Я присел, озираясь.

Большое помещение в кирпичном здании. Стены неоштукатуренные, кирпичи красные, выщербленные. Окна закрыты матовым стеклом, сквозь которое угадываются решетки. Какие-то металлические столы, что-то вроде здорового верстака, наваленные вдоль стен без видимой системы железяки: трубы, детали каких-то устройств, медные или бронзовые листы. Кирпичные перегородки закрывали часть помещения, но в них были широкие проемы, сквозь которые виделось то же самое – железяки, окна, столы...

Под потолком тусклые электрические лампы без абажуров. Лампы самые простецкие, накаливания, даже не газосветные.

Гараж? Ангар? Мастерская?

И никого!

Я напрягся, пытаюсь почувствовать Гнездо... то есть Форт.

Слабый-слабый отзвук. Где-то далеко, ощутить могу, а на контакт выйти – нет.

– Эй! – крикнул я. – Шутка такая, да?

Может быть, я на Земле?

Поднявшись, я сделал несколько шагов. Притяжение вроде как земное. Воздух... ну, пахнет, как в городе. словно где-нибудь у железной дороги или завода, чувствуется какая-то гарь, нефтяная или угольная.

Сердце слева забилося чаще, сердце справа сохранило свой ритм. Как мой организм с этим управляется – ума не приложу.

В состоянии Защитника я, наверное, смог бы проанализировать состав воздуха и точно понять, земной он или нет. Но это не такой простой процесс, и мне потребуется гора органики для перестройки тела.

Я вспомнил Шогар, и меня слегка замутило.

– Кто здесь? – снова позвал я.

И с облегчением услышал шаги. Даже сейчас, без усиленных чувств Защитника, я мог отличить приближение Измененных на слух. Они иначе ходят, легче и с какой-то другой скоростью переставляют ноги. Будто тратят на движение меньше времени, чем человек, а потом на долю секунды замирают.

Из-за одной из перегородок вышла жница.

На мгновение я оцепенел.

Мне показалось, что это Дарина.

Такая же юная, стройная, с короткой стрижкой, сиреневым отблеском в глазах.

Но это все обычно для жниц.

А вот лицо действительно было похожим. Изменение вообще не меняет только лица кукол, а на жниц накладывает какую-то легкую общность, не более того. Значит, в человеческой жизни эта жница напоминала Дарину, а мутация добавила общего. Вот только волосы цветом слегка уходили в рыжину, а глаза оказались скорее темно-синими, чем фиолетовыми.

– Ура! – негромко сказала жница. – Ура! Вы не ушиблись?

Она подбежала ко мне, виновато развела руками.

Все раздражение как-то сразу исчезло. Да, это не Дарина. Но в ней тоже было очень много человеческого: в голосе, мимике, поведении.

– Ничего, – сказал я, хоть и собирался только что возмутиться тем, как повесили экран. – Что с экраном?

– Если ниже вешать, то питание слабеет, – ответила жница, словно оправдываясь. – Энергетический фокус вынесен в подвал, там толстые перекрытия из железобетона. Я притащила маты, но потом стража забрала часть для тренировки. Я спорила, но они не послушали...

Я молчал, глядя на нее.

В тренировочном лагере жницы были какие-то замотанные, как и стражи. Говорили четко и по делу, лишней болтовни себе почти не позволяли. А эта напомнила мне Дарину – и на миг стало больно.

– Меня зовут Эми, – жница потупилась. – Это чтобы вы знали, на кого жаловаться.

– Не буду я жаловаться, – ответил я. – Я Макс.

– Знаю. Мы вас уже больше суток ждем. Вы разведчик-морф?

Я кивнул.

– Можно? – Она протянула руку, я вздохнул, взял ее ладонь. Ощутил гладкую ровную кожу. Жница так же бережно ощупала мои пальцы.

– Словно человеческая, – сказала она с восторгом. – Здорово... Извините.

– Да ничего, – я осторожно убрал руку. – Где это мы?

– Трисгард.

– А точнее?

– Бранири, крупный портовый и железнодорожный узел в кредитном государстве Мондхилд.

Названия звучали в меру вычурно, но как-то по-человечески.

– Что такое кредитное государство? – спросил я. И пояснил, заметив недоумение в ее глазах: – Меня не успели подготовить. Совсем. И я не чувствую Форт. Он далеко?

– Далеко, – кивнула Эми. – Вы хотите есть? Пить?

Я подумал и с надеждой спросил:

– Кофе у вас есть?

Жница просто расцвела.

– Есть! Я люблю кофе. Сделать? Идемте! И я вам расскажу...

Вот чего мне не хватало на Саельме – так это кофе. Не знаю, почему с их изобилием хороших продуктов этот напиток не входил в рацион. Может быть, считают, что детям кофе вреден? Ха-ха три раза...

Вслед за жницей я прошел в следующий «отсек» помещения. Тут железяк валялось поменьше, зато имелся высокий деревянный шкаф с продуктами. Я с удивлением обнаружил среди них и унылые государственные рационы, которых на Земле наелся до тошноты, и разноцветные банки и коробки с очень соблазнительными картинками. Был и холодильник со стеклянной дверцей, на полках стояло молоко, лежали пакеты с мясом, еще какие-то скоропортящиеся продукты. Рядом с небольшим столом, накрытым старомодной скатертью из темной ткани, – четыре табуретки. Я присел на одну.

– Где-то поблизости Продавец? – спросил я, кивая на продукты.

– Да. И у местных покупаем...

Жница торопливо взяла устройство, похожее на кофемолку: цилиндр, крышка сверху... Кофемолкой эта штука и оказалась. Эми включила ее в розетку причудливой треугольной формы, но в общем-то узнаваемую. Нажала клавишу, машинка загудела. Жница при этом смотрела на меня с полнейшим восторгом.

– Вы тут ждали морфа, я вижу, – сказал я.

– Очень, очень ждали! – Она осеклась. – Я как дура себя веду, да?

– Ну... как человеческая девушка, – осторожно ответил я.

– А я не стесняюсь, – с ноткой упрямства сказала Эми. – Мы же все люди, верно? И, может быть, снова станем людьми. И сражаемся за людей. Надо помнить, кто мы есть, гордиться этим!

Она высыпала смолотые зерна в ситечко самой обычной гейзерной кофеварки с изображением чашечки кофе на металлическом боку. Залила воду из стеклянного кувшина. На отдельном столике стояла плитка с таким же странным шнуром и треугольной нагревательной поверхностью.

– Треугольники в моде? – спросил я.

– Это местное поверье, вроде пользы для здоровья. Все, связанное с приготовлением пищи, приводят к такому дизайну... а вы не знали, Макс?

– Давай на ты? – предложил я. – У меня совсем никакой подготовки. Нулем! Я только знаю, что здесь живут тэни, они розовые и воинственные...

Эми прыснула от смеха.

– Воинственные? Не очень... Давай на ты, Макс. Значит, тебе надо обязательно подключиться к Форту.

– Это возможно?

– Съездим, – кивнула Эми. – Так, с чего начать? Кредитное государство?

Я пожал плечами.

– Тут десятка три государств, – объяснила жница. – Порой какие-то части государств хотят отделиться. Из-за экономики или еще каких-то споров... Войны бывают редко, обычно приходят к соглашению, по которому те, кто хочет независимости, получают государство в кредит. То есть у них есть самостоятельность, все что угодно, но они за это должны платить. Довольно долго, некоторые государства уже пару сотен лет кредитные. Многие решают, что свобода не стоит того, и возвращают независимость.

– Как... – я замялся, – мило. Это не воинственно!

– Ну да, я же говорю! У них бывают войны, да. И когда мы забрали планету у Прежних, некоторые страны начали воевать с нами! Но если есть возможность, они стараются все уладить миром. Купить, а не отобрать. Откупиться, а не сопротивляться.

– Продавцам должно нравиться, – сказал я.

– Ну да, Продавцы здесь открыто работают, их уважают. Тэни нам сопротивлялись, потому что считали сделку с Прежними незаконно расторгнутой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.